

Knygotyra
2023, vol. 80, pp. 343–385

ISSN 0204–2061 eISSN 2345-0053
DOI: <https://doi.org/10.15388/Knygotyra.2023.80.134>

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ МАЛОЙ ПОДРОЖНОЙ КНИЖКИ. ПОЛЕМИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС

Ilja Lemeškin

Karolio universitetas
nám. Jana Palacha 2, Prague 1, 116 38, Czech Republic
Lietuvių kalbos institutas
P. Vileišio g. 5, Vilnius, LT-10308, Lietuva
El. paštas ilja.lemeskin@ff.cuni.cz

Summary. *A polemical article reacts to the plenary part of the conference Francysk Skaryna and the Renaissance book culture. Skaryna's Little Travel Book turns 500, held in Vilnius on 22–23 September 2022. After a review of the history of Little Traveler's Book studies since 1971, five problems in the study of the first printed book of the GDL, touched on in S. Temchin's plenary speech The Place of Printing of Francysk Skaryna's "Little Traveller's Book": New Assumptions are discussed. In addition, two other aspects related to the study of place and time of printing: genre predetermination and application of modern methods to the study of Little Traveler's Book are investigated.*

Keywords: *polemics, first printed book of the Grand Duchy of Lithuania, content, origin, Little Traveler's Book, place and time of printing.*

Problemos tiriant Mažąją kelionių knygelę. Poleminis ekskursas

Santrauka. *Poleminio pobūdžio straipsniu yra reaguojama į konferencijos Pranciškus Skorina ir Renesanso knygos kultūra. Skorinos „Mažajai kelionių knygelei“ – 500, kuri vyko 2022 m. rugsėjo 22–23 d., plenarinę dalį. Po Mažosios kelionių knygelės nagrinėjimo istorijos apžvalgos (pradedant*

Received: 2023 02 15. Accepted: 2023 03 31

Copyright © 2023 Ilja Lemeškin. Published by Vilnius University Press. This is an Open Access journal distributed under the terms of the Creative Commons Attribution Licence, which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original author and source are credited.

nuo 1971 m.) gvildenamos penkios pirmo LDK paleotipo tyrimo problemos, kurias plenariniame pranešime „Mažosios kelionių knygelės“ spausdinimo vieta: naujos prielaidos palietė S. Temčinas. Papildomai analizuojami dar du su spausdinimo laiku ir vieta susiję aspektai: tyrimą lemiantis žanrinis P. Skorinos leidinių pobūdis ir šiuolaikinių tyrimų metodų taikymas nagrinėjant Mažąją kelionių knygelę.

Reikšminiai žodžiai: polemika, pirmas Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės paleotipas, sandara, kilmė, Mažoji kelionių knygelė, spausdinimo laikas ir vieta.

2022-ой год был годом празднования крупного юбилея – 500 лет *Малой подорожной книжки* (далее МПК). Многочисленные мероприятия по этому случаю прошли в Литве и Чехии при полном игнорировании знаменательного рубежа культурно-исторического развития в Беларуси. Так как книгоиздательскую деятельность Ф. Скорина начал в Праге, а в период 1521–1522 гг. перенес ее в Вильнюс, то и чествование юбилея в 2022 г. обрело символическую последовательность. С 12 по 18 сентября в чешской столице прошла первая международная школа *Lékař knihtiskařem a zahradníkem: 500 let od přenosu vydavatelské činnosti z Prahy do Vilniusu* „Доктор – книгоиздатель и садовник. 500 лет перемещению издательской деятельности из Праги в Вильнюс“¹. После закрытия школы ее участники переместились в Вильнюс, чтобы 22–23 сентября принять участие в крупной международной конференции *Pranciřkus Skorina ir Renesanso knygos kultūra. Skorinos Mažajai kelionių knygelei – 500* „Франциск Скорина и культура ренессансной книги. *Малой подорожной книжке* Скорины – 500 лет“².

Преимущественное внимание международная школа уделила пражской деятельности Ф. Скорины, в то время как юбилейная конференция – вильнюсским палеотипам. В пленарной части конференции прозвучали два доклада, непосредственно посвященные МПК:

<...> Ilja Lemeřkinas pagrindinį dėmesį sutelkė į *Mažosios kelionių knygelės* spausdinimo vietą. Remdamasis knygos struktūra ir atskirais jos elementais, lyginamuoju tyrimu, pranešimo autorius argumentuotai grindė anksčiau jo paties išsakytą nuomonę dėl

1 REKAŠIŪTĖ, Kotryna. Pranciřkui Skorinai skirta tarptautinė mokykla Prahoje. *LMA Vrublevskių bibliotekos darbai*, 2022, t. 11, p. 176–178.

2 CICĖNIENĖ, Rima. Konferencija, skirta Pranciřkaus Skorinos Mažajai kelionių knygelei (1522) ir Renesanso knygai. *LMA Vrublevskių bibliotekos darbai*, 2022, t. 11, p. 179–183.

dvigubos leidybos vietas. <...> Sergejus Temčinas pranešime taip pat teikė argumentus, šį kartą – tekstologinius, dėl leidybos vietas Vilniuje. Tad plenarinių pranešimų sekcija baigėsi diskusiniu klausimu, kuris vis dar neatsakytas ir laukia papildomų tyrimų³.

„<...> Илья Лемешкин основное внимание уделил месту печати МПК. Опираясь на структуру книги и отдельные ее элементы, на основе сравнительного изучения он обосновал мнение, им же ранее высказанное, о двух местах печатания. <...> Сергей Темчин в докладе также предложил аргументы, на этот раз текстологические, о месте печати в Вильнюсе. И так пленарная часть закончилась дискусионным вопросом, который остается без ответа и ждет дополнительных исследований“.

К сожалению, ни после окончания пленарного заседания, ни во время подведения итогов у участников конференции не оказалось простора для дискуссий, поэтому все многочисленные аспекты, затронутые в докладах и заслуживающие обсуждения, остались неоговоренными. Оглядываясь назад, осознаю существенный организационный недостаток, а именно – в программу мероприятия имело смысл включить обсуждение проблем, возникающих при изучении МПК, в формате круглого стола. В таком случае все заинтересованные специалисты могли бы поделиться собственными наблюдениями по поводу состава и истории появления МПК. Данный упрек адресую самому себе как члену организационного комитета.

В полемическом экскурсе, предлагаемом вниманию Читателя, попробую завязать дискуссию *post factum*. Реагирую на содержимое пленарного заседания от 22.09.2022⁴. Так как дискуссия представляет интерес для более широкого круга книговедов (прежде всего из Украины, Беларуси, Чехии и России), то в качестве рабочего выбираю русский язык, последовательно переводя на него пассажи из литовского доклада С. Темчина.

Коллега из Института литовского языка начал свое выступление с высказывания общего характера:

Seniai žinoma, kad Pranciškaus Skorinos liturginių tekstų rinkinys *Mažoji kelionių knygelė* leista Vilniuje apie 1522-uosius metus, ir Lietuva šiais metais oficialiai švenčia šio leidinio 500 metų jubiliejų (2:46:39).

3 *Ibid.*, p. 179.

4 [http://www.youtube.com/watch?v=mOW7J5jfbN0&list=PL5bz0dbXpVahJuHSX2HyBx8cwUMEN7\]-E&index=2](http://www.youtube.com/watch?v=mOW7J5jfbN0&list=PL5bz0dbXpVahJuHSX2HyBx8cwUMEN7]-E&index=2) [accessed 11 Feb 2023].

„Давно известно, что сборник литургических текстов Ф. Скорины *МПК* издавался в Вильнюсе ок. 1522 г., и что Литва в этом году официально празднует 500-летний юбилей данного издания“.

Для начала разберемся, как „давно“ – и давно ли? – известно о том, что *МПК* издавалась в Вильнюсе ок. 1522 г. Не менее важно также узнать, что послужило причиной для такого соотнесения и насколько оно является обоснованным.

Сто лет назад, в 1925–1926 гг., в Беларуси широко отмечали иной юбилей – четырехсотлетие первой белорусской книги – „Апостола“. Именно издание 1525 г. тогда трактовалось как первая печатная книга Великого княжества Литовского. Что же за это время изменилось, что послужило толчком и причиной к переосмыслению ранее постулируемой печатной последовательности?

Переломный момент связан с лондонской статьей А.А. Надсона *Кніга Скарыны ў Капенгагене* 1971 года⁵. Священник белорусской греко-католической церкви в научный оборот ввел до тех пор неизвестный копенгагенский экземпляр *МПК*, на который его внимание в свою очередь обратил профессор Иерусалимского университета Моше Альтбауэр. Обнаружив в составе сборника „Пасхалию“ на период с 1523 г., А.А. Надсон пришел к логичному заключению, что *МПК*, а не „Апостол“, была первым изданием Ф. Скорины в Вильно.

Свой вывод А. Надсон аргументировал следующим образом:

Малая падарожная кніжка павінна была выйсьці з друку перад гэтай апошняй датай (Рождество 1522 г. – И.Л.), бо інакш вестка пра Каляды 1522 г. была б неактуальнай. З другога боку Скарына напэўна не выдаў яе ў 1521 г., бо тады ён замясьціў бы ў *Пасхаліі* весткі на 1522 год. Трэба таму думаць, што *Малая падарожная кніжка* была выдана ў 1522 г., хутчэй за ўсё перад 1 верасьнем, г. з. перад новым царкоўным годам. ³⁾ ⁶⁾

„*МПК* должна была быть напечатана до этой последней даты (Рождество 1522 г. – И.Л.), в противном случае упоминание в наборе Рождества 1522 г. было бы неуместным. С другой стороны, Скорина, вероятно, не издал ее и в 1521 г., так как тогда он бы заменил в „Пасхалии“ известия за 1522 год. Поэтому надо

5 NADSON, Alyksandr. *Кніга Скарыны ў Капегнагене. Bozhym shlyakham*, 1971, нр. 5(128), р. 9-11.

6 *Ibid.*, р. 11.

думать, что *МПК* была издана в 1522 г., скорее всего до 1 сентября, то есть перед новым церковным годом.³⁾“.

Многие, посчитав тему закрытой, подхватили вывод о годе издания *МПК*, причем исследователи не обратили внимания на сноску, относящуюся непосредственно к только что приведенному пассажиу:

³⁾ Год 1522 адносіцца да цэлай кнігі. Вельмі магчыма, што некаторыя яе часткі – у прыватнасці *Псалтыр* і *Акафісты*, – Скарына выдаў раней асобна, а пасля злучыў іх у адно цэлае. На карысьць такога погляду гаворыць тое, што многія часткі *Малой падарожнай кніжкі* маюць свае тытульны лісты, посьляслоўі і незалежную пагінацыю. (Больш пра гэта гл.: А. Коршунаў, „Літаратурна-публіцыстычная спадчына Францыска Скарыны“. – У кнізе: Францыск Скарына, *Прадмовы і пасляслоўі*, с. 192)⁷.

³⁾ Год 1522 относится к целой книге. Вполне возможно, что некоторые ее части – напр., „Псалтырь“ и „Акафисты“ – Скорина издал ранее отдельно, а потом объединил их в единое целое. В пользу этого говорит тот факт, что многие части *МПК* имеют собственные титульные листы, послесловия и самостоятельную пагинацию (об этом подробнее см.: Коршунаў, А[ляксандр]. Літаратурна-публіцыстычная спадчына Францыска Скарыны. In *Скарына, Францыск. Прадмовы і пасляслоўі*. [Мінск: Навука і тэхніка, 1969.] С. 192)⁷.

До этого, основываясь на эмпирических данных и наблюдениях, о пражском происхождении некоторых частей *МПК* рассуждал Е.Л. Немировский:

Недатированная „Малая подорожная книжица“, в которую входят „Псалтырь“, „Часословец“, 17 акафистов и канонов, „Шестодневец“ и „Сборник с пасхалией“. Каждая из этих небольших книжек, отпечатанных в 12-ю долю листа, имеет отдельную пагинацию, выходные сведения, а часто – и собственный титульный лист. Более того, принципы оформления отдельных частей „Малой подорожной книжицы“ различны и обнаруживают, что над ними работали разные типографы. Так, например, акафисты имеют титульные листы, а каноны – нет; в канонах пагинация размещена сверху справа, а в акафистах – внизу справа. В силу этого мы считаем части „Малой подорожной книжицы“ отдельными изданиями, как это обычно делают с разделами „Библии“, выпущенной Скориной

7 *Ibid.*, p. 11.

в Праге. С полиграфической точки зрения акафисты вообще ближе к пражским изданиям. В них, например, используются инициалы из этих изданий. Не исключено, что и печатались акафисты не в Вильне, а в Праге⁸.

Позднее московский книговед отказался от своих наблюдений. Причиной тому послужило „доказательство“, якобы обнаруженное им в конволюте акафистов и канонов из собрания Российской государственной библиотеки (№ 2044):

Автор этих строк (Немировский. – *И.Л.*) в свое время высказал предположение, что акафисты Скорина печатал еще в Праге. Ныне мы отказываемся от этой гипотезы и вот почему. Удалось обнаружить экземпляр Акафиста чудотворцу Николе, на обороте последнего 12-го листа которого имеется зеркальный отпечаток киноварного текста 1-го листа канона. Такой отпечаток мог быть случайно оттиснут лишь со свежего, еще не просохшего после печати листа. А значит, каноны и акафисты печатались в одно и то же время⁹.

Эволюция взглядов Е.Л. Немировского, подкрепленная авторитетом ученого и якобы обнаруженным „доказательством“, возымела решающее значение. Вопрос локализации и датировки печатного дела на долгие годы был снят с повестки дня. Ситуация изменилась в 2021 г., когда было показано, что Е.Л. Немировский допустил грубую ошибку при идентификации киноварного оттиска¹⁰. Оказалось, что единственное кем-либо и когда-либо предложенное доказательство (и ранее вызывавшее сомнение¹¹) вильнюсского происхождения *всех* частей МПК является фикцией. Соответственно, нужно признать, что в вопросе датировки МПК и локализации печатного процесса мы в настоящее время не располагаем (и никогда не располагали) научно обоснованной, предметно аргументированной доказательной базой.

О времени и месте появления книг(и) нам дает важные сведения сама МПК. О чем мы можем с уверенностью говорить на основании скупых колофонов? Объективно лишь о том, что:

- 8 NEMIROVSKII, Evgenii. Belorusskii pervopechatnik Frantsisk Skorina. *Poligrafija*, 1967, nr. 8, p. 41.
- 9 NEMIROVSKII, Evgenii. *Frantsisk Skorina: Zhizn' i deyatel'nost' belorusskogo prosvetitel'ya*. Minsk: Mastatskaya litaratura, 1990, p. 461.
- 10 LEMESHKIN, Il'ya. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“. In *Frantsysk Skaryna. Daŭniya fakty – novyya idehi*. Minsk: Belaruskaya navuka, 2021, p. 122–125.
- 11 LEMEŠKIN, Ilja. Dėl P. Skorinos *Mažosios kelionių knygelės* spausdinimo laiko ir vietos. *Knygotyra*, 2019, t. 72, p. 30.

1. Место печатания указывается лишь в двух случаях, в колофонах „Часословца“ (оу҃ великославно҃ мѣстѣ вилен҃ском҃з) и „Пасхалии“ (во славно҃м҃ мѣстѣ вилен҃ском҃з). Общее „Послесловие“ содержит информацию об этих локализованных составных частях МПК, а значит, на основании фрагментарных данных, которые нам дают колофоны, о принадлежности к виленскому периоду книгопечатной деятельности твердо можно говорить только в трех случаях – „Часословца“, „Пасхалии“ и „Послесловия“. У других составных частей мы таковой уверенностью в связи с локализацией печатного процесса не располагаем.
2. „Пасхалия“ христианский праздник расписывает с 1523 г. Так как печатать календарь на прошлый год не имело смысла, то данное обстоятельство косвенно датирует „Пасхалию“ (ок. 1522 г.) и позднее набранное „Послесловие“ – не ранее 1522 года. У иных составных частей, даже у „Часословца“, время издания могло быть иным: причем как до, так и после 1522 г.

На этом все. Остальные соотнесения должны находить строгое обоснование.

После лондонской статьи А.А. Надсона 1971 г., несмотря на то, что в ней была четко обозначена позиция о возможном пражском происхождении некоторых частей МПК, возобладал взгляд, что всю книгу печатали в то же самое время на том же месте. Данный взгляд был бы абсолютно верен, если бы „Послесловие“ имело соответствующую косвенную или прямую датировку (1522–1523 гг.). На самом деле нам об этом ничего не известно (см. выше приведенный перечень).

Факультативное „Послесловие“ (напоминающее *Ankündigung, Verzeichnis*) в составе МПК отражает издательскую концепцию, однако, учитывая флуктуацию печатного материала в XVI в., мы можем только гадать, когда данный замысел по формированию в одно целое „Псалтыри с воследованием“¹² родился. Да, это могло быть в 1522 г., но и позже. О том, что так вполне могло быть, свидетельствует давно подмеченная неоднородность МПК в полиграфическом отношении (об этом далее). Таким образом, на сегодняшний день мы имеем дело и обязаны работать с двумя гипотезами, которые за отсутствием надежных доказательств в пользу одной из них пока что являются равноправными.

12 VOZNESENSKII, Andrei. Svedeniya i zametki o kirillicheskich pechatnykh knigakh. 1. Malaya podorozhnaya knizhka Frantsiska Skoriny. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 1999, 51, p. 337–341; ТЕМЧИН, Sergei. Proiskhozhdenie nazvaniya Maloi podorozhnoi knizhki Frantsiska Skoriny v svete opisi Suprasl'skogo monastyrya 1557 goda. In *Amoenitates vel Lepores Philologiae*, Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2007, p. 456–464.

Приведем эти гипотезы в хронологическом порядке по мере их появления и по потенциально возможной временной последовательности создания *МПК*:

- а) *МПК* ок. 1522 или позднее (начиная с 1522 г.) в Вильнюсе скомплектована (комплектовалась), причем в ее состав вошел (вводился) некоторый печатный материал, набранный ранее в Праге,
- б) *МПК* ок. 1522 г. *in toto* была издана в Вильнюсе.

В науке бывают моменты, когда важно не только дать ответ на тот или иной вопрос, но и правильно поставить проблему. В статьях 2019 и 2021 гг., в преддверии юбилея *МПК*, такая попытка была предпринята. Она оказалась не вполне удачной, раз здесь вновь приходится специально об этом говорить. Поэтому повторяюсь: вопрос изучения состава и истории *МПК* находится, начиная с 1971 г., в крайне неудовлетворительном состоянии, так как, избрав одну из потенциальных возможностей, исследователи длительное время ограничивались предпосылками и голословными утверждениями.

В своем докладе С. Темчин упомянул о некоем консенсусе, достигнутом в Санкт-Петербурге в 2019 г.:

[2019 metais – *И.Л.*] Sankt Peterburgo knygotyrininkai Andrejus Voznesenskis ir Nikolajus Nikolajevas paskelbė apie mokslininkų konsensuą dėl *Mažosios kelionių knygelės* leidimo laiko ir vietos: ji leista Vilniuje 1522-aisiais arba 1523-aisiais metais (2:48:30).

„[В 2019 г. – *И.Л.*] книговеды из Санкт-Петербурга, Андрей Вознесенский и Николай Николаев, оповестили о консенсусе между учеными о времени и месте издания *МПК*: она издавалась в Вильнюсе в 1522 или 1523 гг.“.

Достижение консенсуса предполагает обсуждение. Вильнюсский коллега не уточнил, о каком консенсусе идет речь. Кто с кем его достиг и где конкретно о нем оповестил? Имеется в виду консенсус, достигнутый путем устного обсуждения проблемы между А.В. Вознесенским и Н.В. Николаевым? Кто иной был вовлечен в обсуждение и когда оно состоялось? Данная информация, равно как и известие о коллегиальном обсуждении данной проблематики пражских книговедов не достигла.

Нам известно только о том, что в 2019 г. А.В. Вознесенский и Н.В. Николаев опубликовали замечательный *Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI-XVIII веков из собрания Отдела редких книг Российской нацио-*

нальной библиотеки. Авторы переиздали, актуализировав и дополнив, каталог В.И. Лукьяненко. Руководствуясь авторитетным источником 1973 г.¹³, исследователи в первом томе каталога охватили тот же период с 1523 по 1600 г. Проблему датировки МПК и вопрос общей периодизации рассматриваемого ими печатного собрания ученые, действуя по умолчанию, вообще не обсуждают, ограничиваясь лишь декларативным вступительным заявлением: „Первое виленское издание Франциска Скорины вызывает немало споров. И если один из вопросов, волновавших библиографов – о времени и месте выхода книги – в целом получил решение: местом издания, по указанию в конце Часослова и аналогии с Апостолом 1525 г. (см. № 2), признается Вильна, а время, по началу пасхалии – около 1522 или 1523 г., то проблемы, касающиеся назначения, состава и даже объема издания до сих пор окончательно не решены“¹⁴. Абсолютно не понятно, как можно понимать слова, что вопрос „в целом получил решение“. Это „решение в целом“ было принято кем и когда: в 1971, 1973, 1990 или в 2019 г.?

В каталоге или труде обобщающего характера рядом с недатированной МПК в пределах широкого потенциально возможного временного диапазона – 1517–1535¹⁵ – можно указать любую ориентировочную дату: 1517–1522, 1522, 1523, 1517–1525 и т.д. В.И. Лукьяненко и авторы, взявшиеся за переиздание каталога 1973 г., на свой страх и риск указали: „около 1523“¹⁶. Возможно так оно и есть, но в контексте научной дисциплины – современного чешского и литовского книговедения – хотелось бы все же полагаться не только на интуицию российских коллег. Хотелось бы иметь альтернативу – доказательную базу.

Итак, в нашем распоряжении имеются (и имелись) две рабочие гипотезы. Исследователь, берущийся за рассмотрение одной из них (или обе-

13 LUK'YANENKO, Vera. *Katalog belorusskikh izdanii kirillovskogo shrifta XVI–XVII vv.* Вып.1: 1523–1600 gg. Leningrad: [b. i.], 1973.

14 VOZNESENSKII, Andrei, NIKOLAEV Nikolai. *Katalog belorusskikh izdanii kirillovskogo shrifta XVI–XVIII vekov iz sobraniya Otdela redkikh knig Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. 1523–1600.* Sankt-Peterburg: RNB, 2019, p. 13.

15 Последнее известие, которое косвенно указывает на интерес к книгоизданию, датируется 1530 г., когда Ф. Скорина, к недовольству герцога Альбрехта, увел из Кенигсберга некоего печатника. В период 1534–1535 гг. Ф. Скорина вернулся в Прагу, где поступил на службу к Фердинанду I. Книгоиздательскую деятельность после этого временного рубежа можно считать мало правдоподобной, поэтому в качестве верхней временной границы здесь указываем 1535 г.

16 VOZNESENSKII, Andrei, NIKOLAEV, Nikolai. *Katalog belorusskikh izdanii kirillovskogo shrifta...*, p. 11.

их), должен искать доказательства. Выявив ошибку Е.Л. Немировского, я пытался поставить проблему и привести аргументы в пользу возможного пражско-виленского происхождения *МПК* (с акцентом на акафисты и каноны), при этом не претендуя на то, что вкуче они обладают абсолютной доказательной силой. Надеюсь, что иные исследователи найдут и представят более убедительные доводы в пользу одной из гипотез или очевидные доказательства. Свое выступление С. Темчин посвятил опровержению моих соображений и аргументов, назвав их почему-то „утверждениями“ (*teiginiai*). На самом деле я далек от тех утверждений (положений), которыми вильнюсский коллега меня щедро одарил (см. далее). Что-либо утверждать о вещах 500-летней давности без надежных доказательств весьма рискованно. В моих работах совершенно иной *modus*, поэтому прошу не вкладывать в содержание моих статей выводы, которых там нет. В гипотетической плоскости связывая печатный процесс с Прагой (применительно к нескольким частям *МПК*), везде говорю лишь о потенциальной возможности. Необходимо также заметить, что даже если все мои аргументы в пользу первой из гипотез ошибочны, это не избавляет от обязанности предметно обосновать собственную позицию.

Перейду к „пяти утверждениям / положениям“, из-за которых С. Темчин выразил свое несогласие.

ПЕРВОЕ.

Mažoji kelionių knygelė yra nevienalytė. Tai yra sena Eugenijaus Nemirovskio mintis, kurios jis pats vėliau atsisakė (2.49.21).

Iš tikrųjų jos nevienalytiškumo idėja nėra visuotinai priimta, nes jau minėti kolegos Voznesenskis ir Nikolajevas įsitikinę, kad Nemirovskis neteisus, laikydamas *Mažąją kelionių knygelę* kelių leidinių rinkiniu. To neįrodo (toliau pateikta paslėpta netiksli citata pagal A. Voznesenskį ir N. Nikolajevą¹⁷ – I. L.) nei tai, kad knyga leista dalimis, nes tai buvo įprasta XVI a. praktika, nei kelios skirtingos puslapių numeracijos ar antraštiniai puslapiai (iš tikrųjų to paties leidinio atskirų dalių avantitulai), nei atskiri kolofonai skirtingų knygos dalių pabaigoje: *Psalmyne*, *Valandyne*, kiekviename iš aštuonių akatistų ir *Heksamerone*. Iš tikrųjų tie neva kolofonai buvo, vartojant rankraščių aprašymo terminus, savotiški prieraišai, žymintys darbo su viena ar kita knygos dalimi pradžią ir pabaigą. Ir paprastai tokie prieraišai būdavo dedami stambiųjų leidinių skyrių pabaigoje, ir vien tik akatistų dalyje kiekvienas iš aštuonių akatistų buvo pažy-

17 *Ibid.*, p. 13.

mėtas tokiu atskiru priedašu (paslėptos citatos pabaiga – I. L.). Taigi Lemeškinas savo išvadas grindė gana abejotina *Mažosios kelionių knygelės* nevienalytiškumo idėja. Ji toli gražu nėra visuotinai priimta (2:50:48–2:52:30).

МПК является неоднородной. Это старая мысль Евгения Немировского, от которой он сам позднее отказался.

В действительности идея о ее (*МПК* – *И.Л.*) неоднородности не является общепринятой, так как уже упомянутые коллеги, Вознесенский и Николаев, убеждены, что Немировский неправ, воспринимая *МПК* как „совокупность“ ряда изданий. Этого не доказывает (далее следует скрытая цитата; приводим ее в исправном виде строго по оригиналу – *И.Л.*) „ни то, что книга издавалась частями (это было нормальной практикой в XVI, а порою и в XVII в., см.: Вознесенский, 2003¹⁸. С. 474–475), ни присутствие в ней множества нумераций листов и „титულных листов“ – на самом деле, авантитулос к отдельным ее частям, ни наличие так называемых выходных сведений в конце отдельных частей книги: Псалтыри, Часослова, каждого из 8 акафистов, Шестодневца. В действительности то, в чем видят выходные сведения, представляло собой, если использовать термины описания рукописей, ряд приписок, указывающих на начало и на окончание работы над той или иной частью книги. Как правило, подобные приписки располагались в конце частей больших структурных разделов и лишь в разделе, содержащем акафисты всея седмицы, припиской выделялся каждый из 8 акафистов (Вознесенский, 2018¹⁹. С. 10–12, 16)“²⁰. Итак, Лемешкин свои выводы обосновывает достаточно сомнительной идеей о неоднородности *МПК*. Она далеко не является общепризнанной“.

Уважаемые коллеги, давайте не ставить телегу впереди лошади. И давайте, пожалуйста, не подменять понятия.

На вопрос, является ли *МПК* одним изданием или совокупностью изданий, можно (будет) дать ясный ответ, только *точно* (а не „в целом“) установив время и место издания недатированной *МПК* или отдельно взятых ее составных частей. Пока этого не сделано, всякие размышления на данную

18 VOZNESENSKII, Andrei. Svedeniya i zametki o kirillicheskih pechatnykh knigakh. 6–7. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2003, 53, p. 470–490.

19 VOZNESENSKII, Andrei. Iz nablyudenii nad izdaniyami Frantsiska Skoriny. In *Knizhnaya starina. Sbornik nauchnykh trudov*. Vyp. 4. Sankt-Peterburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2018, p. 5–19.

20 VOZNESENSKII, Andrei, NIKOLAEV, Nikolai. *Katalog belorusskikh izdaniy kirillovskogo shrifta...*, p. 13.

тому являются преждевременными и праздными, поэтому данный аспект в статьях 2019 и 2021 гг. даже не упоминается.

Давняя полемика с Е.Л. Немировским по этому поводу возникла по чисто прагматическим причинам. Составителям каталогов нужно было определиться, как им описывать *МПК*: как одну или несколько единиц учета. Мы знаем, что возобладал первый вариант, но были ли представлены необходимые для этого обоснования? Нет. Единственное „доказательство“ Е.Л. Немировского, из-за которого он радикально переосмыслил свою первоначальную позицию, таковым не являлось и не является²¹.

Ориентируясь на итальянский канон ренессансной печатной книги, Ф. Скорина в Праге и Вильнюсе занимался книгоизданием, поэтому аналогию с рукописной книгой не считаем здесь уместной и полезной. Рукописный конволют, исходя из узуса средневековья, обыкновенно содержит множество самых разных книг. Как правило, они лишены титульного листа, начинаются с инципита [лат. *incipit* – „здесь начинается“], а заканчиваются эксплицитом [лат. *explicit* – „здесь заканчивается“]. Данные „приписки“, обрамляющие основной текст, закономерно находят устойчивые текстовые параллели в печатных книгах, в том числе и у Ф. Скорины. Титульный лист часто содержит формулировку *починається книга...*; в начале колофона находим типичное финализирующее *доконаны книги...* (или *кончаєтс книга...*, то *єсть конець книгъ...*, *скоманъ єсть...* и т.д.), а далее – стандартные и варьирующиеся по своему объему сведения, знакомящие с заслугой переводчика-издателя, временем и местом издания. В пражских и виленских публикациях действительно встречаются приписки (*prierašai*), но это рукописные маргиналии и глоссы. Некоторые из них, сообщающие, напр., о заслугах Богдана Онкова, органично сопровождают колофоны пражских скориновских изданий. Не нужно поэтому вносить терминологическую путаницу. У Ф. Скорины не „якобы колофоны“ (*neva kolofonai*), не какие-то „приписки“, а обыкновенные колофоны – *impresum*. Что они замыкают и почему приобретают именно такую форму – иной вопрос, на который пока не был дан развернутый ответ (см. далее).

У Ф. Скорины нас удивляет не с/только наличие колофонов у составных частей *МПК*, сколько/но обилие с данными колофонами согласующихся „внутренних“ титульных листов. Для первой четверти XVI в. это необычно. В средневековье колофон был практически единственным местом, где о своей персоне и об окончании утомительной работы заявлял творец рукописи. Именно здесь, в позиции конца книги, он сообщал о себе, о переписан-

21 LEMESHKIN, П'я. *Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“ ...*, p. 122–125.

ном трактате и его авторе, месте, времени и причинах появления книги. В процессе эмансипации печатной книги происходит становление титульного листа, что со временем закономерно ведет к некоторой „деградации“ колофона. То есть внимание издателя и читателя перемещается с колофона на титульный лист, которого ранее просто не было. Обособление титульного листа в нечто „самостоятельное“ (превращение сухого инципита, набранного по центру лицевой стороны первого пустующего листа, в нечто выразительное и характерное именно для печатной книги) приходится в Чехии как раз на первую четверть XVI в.²² Одновременно ориентируясь на образцы итальянской и немецкой печатной продукции, Ф. Скорина всю пользуется теми выгодами и возможностями, которые ему как издателю открывает титульный лист. Но и от колофона он вовсе не отказывается. Таким образом, в изданиях Ф. Скорины важна как позиция начала, так и конца книги, где приводится и отчасти дублируется привычный набор данных (о жанровой предопределенности использования колофонов см. в конце статьи).

В ветхозаветных книгах полиграфические принципы формируются начиная с „Книги Иова“ (10.09.1517); этим принципам, соблюдая единообразие оформления, Ф. Скорина следует до 1519 г. Библейские пражские издания (за исключением отдельно функционирующей „Псалтири“) характеризуются однородностью оформления: используется тот же иллюстративно-декоративный материал, титульный лист содержит выразительный фронтиспис, каждая книга – свой отдельный и чрезвычайно подробный колофон... В 1519 г., издавая „Книгу Бытия“, Ф. Скорина создает титульный лист для всей серии библейских книг целиком. Общий титульный лист и практически идентичные полиграфические качества свидетельствуют о тождестве типографа и позволяют, как это ни парадоксально, все ветхозаветные книги (разве что за исключением „Псалтири“ 1517 г.) считать – при желании – одним большим сводным изданием. Именно к нему были устремлены все пражские усилия Ф. Скорины. Похожая ситуация и в „Апостоле“. С полиграфической и жанровой точки зрения книга 1525 г. является целостным и абсолютно однородным изданием. Палеотип открывает титульный лист, который с присущей ясностью емко информирует о публикуемом творении и заслуге Ф. Скорины. В конце библейской книги, после „Послания к Евреям апостола Павла“, помещен подробный колофон, который нам сообщает об издателе, времени и месте печати.

22 Впервые титульный лист в чешской печатной продукции встречается в книге, датированной 1493 г., где н f. 1г вынесен лишь сухой текст: *Tractat o Welebne a Bozske swa // tosti oltarzni kterak ma przygima // na byti od wiernych krzestianuow* (Knihopis: INC032).

При сравнении совершенно очевидно, что гетерогенная *МПК*, иная и в жанровом отношении (!), кардинально отличается и от пражской серии ветхозаветных книг и от вильнюсского „Апостола“. Неоднородность *МПК* – это не объект дискуссий, всеобщего признания или непризнания. Это не „идея“ и не повод для существования разных точек зрения. Это лишь констатация объективной реальности.

Книговед не может назвать „однородным изданием“ сборник (по тематике и жанру разных книг, состав которого в дошедших до нас экземплярах сильно варьируется), где:

- 1) нет общего для всего издания титульного листа,
- 2) нет колофона обобщающего все издание,
- 3) у составных частей имеются не только отдельные, но и по-разному оформленные титульные листы, а также свои колофоны,
- 4) иллюстративный материал (пражские резные инициалы, сюжетные гравюры) в составных частях использован неравномерно,
- 5) прослеживаются другие отличия в полиграфическом оформлении, а именно:
 - а) „Псалтырь“ набиралась на целом листе бумаги и фальцевалась в тетради из 8 листов, другие части, печатанные на полулисте, сшивались в тетради из 4 листов²³,
 - б) варьирующийся формат полосы набора,
 - с) различия в оформлении несквозной фолиации...

О какой однородности можно говорить, имея перед собой перечисленный список дифференцирующих признаков? Если она (полиграфическая когерентность) все же присутствует, то тогда где, в каких иных конкретных качествах и признаках, мы должны ее усмотреть? Если они есть, то тогда кому-то нужно их озвучить.

Еще раз повторю, в своих работах я совершенно не желал ввязываться в спор А.В. Вознесенского с Е.Л. Немировским, который на данной стадии считаю бессмысленным. Является ли *МПК* одним изданием или совокупностью изданий покажет время. Именно по этому вопросу сейчас нет и, за неимением доказательной базы, не может быть „единогласия“, к которому апеллирует С. Темчин. В свою очередь неоднородность *МПК* не является чем-то умозрительным, спорным, а уж тем более – „сомнительным“.

Неоднородность *МПК* еще не означает, что мы непременно имеем дело с совокупностью изданий. Сама по себе она ничего не доказывает (не нужно,

23 VOZNESENSKII, Andrei. Svedeniya i zametki..., p. 337–338.

пожалуйста, в мои работы вкладывать противоположные по смыслу утверждения), однако это является серьезной предпосылкой и стимулом для внимательного и даже приоритетного рассмотрения гипотезы о пражском происхождении некоторых частей МПК.

ВТОРОЕ.

Antras teiginys. *Mažosioje kelionių knygelėje* Prahos raižyti inicialai, atskirų giesmių pirmosios raidės, naudojami vien tik akatistų dalyje, bet ne kituose knygos skyriuose. Šis teiginys apie Prahos raižytų inicialų naudojimą tik *Mažosios kelionių knygelės* akatistuose ir kanonuose naudojamas kaip šio skyriaus spausdinimo Prahoje ir viso leidinio heterogeniškumo įrodymas. Tačiau jis neatitinka tikrovės, nes vienas tokių inicialų, kuris tikrai buvo panaudotas Prahoje, t. y. raidė *B*, kirilinė raidė *В*, yra panaudota dar kartą *Mažosios kelionių knygelės* Psalmynė, kurį Lemeškinas laiko Vilniaus leidiniu. Vadinas, jis klysta teigdamas, kad Prahos raižyti kūriniai nebuvo prieinami Skorinai Vilniuje. Jie buvo naudojami tikrai čia (2:52:29–2:53:53).

„Второе утверждение. Пражские резные инициалы, первые буквы отдельных гимнов, использованы только в части с акафистами, но не в других частях книги. Данное утверждение об использовании пражских резных инициалов только в акафистах и канонах МПК используется как доказательство о печати данной части в Праге и гетерогенности всего издания. Однако оно не соответствует действительности, ибо один такой инициал, который точно был использован в Праге, т.е. буква *B*, кириллическая буква *В*, повторно использована в „Псалтири“, которую Лемешкин считает вильнюсским изданием. Значит, он ошибается, утверждая, что пражские резные произведения не были доступны Скорине в Вильнюсе. Они использовались точно здесь“.

Высказывание коллеги содержит неточности, которых можно было легко избежать, внимательно ознакомившись с содержанием моих работ.

Говоря об издании 1525 г. пишу: „Скудость“ книги („Апостола“ – *И.Л.*), по сравнению с „Бивлией русской“, вероятно обусловлена отсутствием местных мастеров (художников и резчиков), которые были бы в состоянии выполнить заказы Ф. Скорины, а также тем, что ксилографий пражского периода (за исключением некоторых мелочей книжного декора) по каким-то причинам в Вильно не оказалось²⁴. То есть в Вильнюсе, столкнувшись с острой не-

24 LEMESHKIN, П'я. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“ ..., p. 128.

хваткой иллюстративного материала, Ф. Скорина использовал ограниченное количество пражских заставок и проч. мелочь. Единственный пражский инициал, спорадически нашедший применение в „Псалтири“, погоды не делает. Речь идет об осмысленно-систематическом использовании имевшегося в наборных кассах печатного материала, об использовании гарнитуры: „Акафистник“ от других частей „Малой подорожной книжки“ и „Апостола“ отличается не только наличием фигурных гравюр, но и массовым использованием других художественно-декоративных элементов, их высоким качеством (по сравнению с продукцией виленского периода) и разнообразием. В акафистах и канонах множество на дереве вырезанных инициалов, заставок, которые здесь выполняют функцию рубрик²⁵.

Более того, не припоминаю, чтобы я где-то утверждал, будто „Псалтирь“ – несомненно вильнюсское издание. В своих работах, взвешивая гипотетическое пражское происхождение некоторых частей *МПК*, концентрирую внимание на акафистах и канонах. Как о несомненно виленских говорю о „Пасхалии“, „Часословце“ и „Послесловии“. Цитирую: „На основании скупых данных, которые нам дают колофоны, о принадлежности изданий к виленскому периоду книгопечатной деятельности можно твердо говорить только в трех случаях – „Часословца“, „Пасхалии“ и „Послесловия“. У всех других составных частей мы таковой уверенностью отнюдь не располагаем“²⁶.

О возможном пражском происхождении „Псалтири“ говорил А.А. Надсон. Где и когда „Псалтирь“, известная нам по *МПК*, была издана – предмет для отдельного исследования. Локализацию печатного процесса и датировку памятника при этом необходимо предметно обосновывать, а не голословно декларировать по наитию или по доброму обычаю.

ТРЕТЬЕ.

Trečias teiginys. Dvi graviūras atliko anoniminis raižytojas, vadinamas *Naujojo*

Testamento meistrū, dirbęs su Skorina Prahoje apie 1517-uosius metus prie Psalmyno. Dvi *Mažosios kelionių knygelės* graviūras anoniminiam raižytojui, kuris sąlygiškai vadinamas *Naujojo Testamento meistrū*, priskyrė čekų tyrinėtojas Petras Voitas, tačiau šis priskyrimas iš pat pradžių buvo hipotetinis, lydimas žodžių „atrodo“, „kiek žinoma“, „galbūt“ ir pan. Neslėpdamas šito hipotetiškumo, Ilja pabandė jį sušvelninti tam tikromis retorinėmis priemonėmis. Cituoju jį (toliau pateikta netiksli citata; pašalintus

25 *Ibid.*, p. 138.

26 *Ibid.*, p. 131, 141.

fragmentus pateikiu laužtiniuose skliaustuose toliau vertime – I. L.): „Čekų bibliologas samprotaudamas pavartojo tariamąją nuosaką (<...> – I. L.), nenumanydamas, kad *Mažosios kelionių knygelės* leidimo vieta ir data yra sąlyginis ir dirbtinis skorinologijos konstruktas (<...> – I. L.). Jei šios aplinkybės jam būtų žinomos, jis tikriausiai būtų priėjęs logiškesnę išvadą.“ Citatos pabaiga. Nors dviejų raižinių priskyrimas *Naujojo Testamento meistriui* yra hipotetinis, Lemeškinas vis dėlto pagrindžia juo savo radikalią *Mažosios kelionių knygelės* spausdinimo laiko ir vietos hipotezę.

„Третье утверждение. Две гравюры создал анонимный резчик, так называемый *Мастер Нового Завета*, работавший со Скориной в Праге над „Псалтирью“ ок. 1517 г. Две гравюры МПК к работам анонимного резчика, который условно именуется *Мастером Нового Завета*, причислил чешский исследователь Петр Войт, однако это причисление с самого начала было гипотетическим и сопровождалось словами „кажется“, „насколько известно“, „может быть“ и под. Не скрывая эту гипотетичность, Илья попробовал ее смягчить некоторыми риторическими средствами. Цитирую: „Чешский книговед в своем рассуждении использовал сослагательное наклонение [*pokud víme*], не предполагая при этом о том, что датировка и локализация МПК – вещь в скориноведении условная и искусственно сконструированная, [что единственное доказательство Е.Л. Немировского на самом деле не имеет под собой ни малейшего реального основания]. Если бы данные обстоятельства были ему тогда известны, он бы, вероятно, пришел к более логичному решению“. Конец цитаты. И хотя причисление двух гравюр к работам *Мастера Нового Завета* является гипотетическим, Лемешкин все же обосновывает им свою радикальную гипотезу о месте и времени печати МПК“.

С. Темчин ошибается, подозревая, что я что-то „пробую смягчить“, при этом чего-то „не скрывая“, так как смягчать и скрывать нечего, ибо никакой гипотетичности никогда не было. В беседах по данному поводу, состоявшихся 7–8 февраля этого года, П. Войт, узнав о гипотетичности своей атрибуции, тоже изрядно удивился. Чешский коллега специально просмотрел все свои работы, где он писал о *Мастере Нового Завета*. Все там изложенное, по его мнению, должно быть понятно специалисту, вникающему в содержание ссылок и знакомому с реалиями книгопечатания первой пол. XVI в.

Опираясь на обширный ксилографический материал чешского книгопечатания XV–XVI вв., П. Войт произвел атрибуцию дошедших до нас произведений по мастерам: рисовальщикам и резчикам. Две гравюры из МПК – „Крещение в Иордане“ и „Христос в храме“ – он отнес к работам *Мастера*

Нового Завета. Сделал он это без всяких „кажется“, „насколько известно“, „может быть“ и безотносительно к проблемам (тогда ему неизвестным) изучения МПК. Атрибуция была проведена не только на основе характерных стилистических признаков и „подчерка“ (*rukopis*), свойственного этому ксилографу. В распоряжение коллег книговедов П. Войт предоставил и иное весомое обоснование, обращающее наше внимание на хронику Г. Шедела и нюрнбергскую графическую традицию. Для этого С. Темчину нужно было обратиться к двум сноскам²⁷.

Атрибутировав „Крещение в Иордане“ и „Христос в храме“ как работы *Мастера Нового Завета*, П. Войт – уже на следующем этапе своего исследования – столкнулся с объективной интерпретационной трудностью. Книговедам известно, что печатники и издатели, заказывая и покупая ксилографии, тратили средства на реализацию „горящих“, актуальных, проектов. Гравюры, оказавшиеся в собственности того или иного книгоиздателя, побуждали к действию – неотлагательному, а часто и многократному использованию гравюр. Мысль о том, что Ф. Скорина в 1517 г. вложил в издательский проект далекого будущего, казалась поэтому не вполне стандартной. Именно она и потребовала оговорок и предположений.

П. Войт взвешивает возможность, что издатель, оказавшись в Праге, какое-то время сотрудничал с *Мастером Нового Завета*:

Skorina prišiel do Prahy bez ilustračného aparátu a ve své ediční prvotně využil to, co se právě nabízelo. Po roku 1517 Mistra k vydání dalších starozákonních knih už neangažoval. Zdá se, že ho (jakoby s předstihem?) pověřil několika novozákonními ilustracemi, které mohly být díky Skorinově pražskému osudu užity, pokud víme, až během následující pracovní etapy ve Vilniusu, a to okolo roku 1522²⁸.

„Скорина пришел в Прагу без иллюстративного аппарата и в первых печатных работах использовал то, что было в распоряжении. После 1517 г. *Мастера (Нового Завета. – И.Л.)* к изданию других книг Ветхого Завета уже не призы-

- 27 VOIT, Petr. Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky. *Umění*, 2014, nr. 62/4, Nr. 59, 60; VOIT, Petr. Novye svedeniya o deyatel'nosti Frantsiska Skoriny v Prage (1517–1519). *Vilniaus universiteto bibliotekos metraštis*. 2015, Nr. 47, 48. Также см.: DELUGA, Waldemar. Źródła i inspiracje ilustracji drzeworytniczych do wydań Franciszka skoriny. In *480 let běloruského knihtisku. Materiály z konference v pražském Klementinu 5. 9. 1997*. Praha: Národní knihovna ČR, 1997, s. 15–19.
- 28 VOIT, Petr. Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské..., p. 344–345; VOIT, Petr. Novye svedeniya o deyatel'nosti Frantsiska Skoriny..., p. 357–358.

вал. Кажется, что ему поручил (как бы опережая события?) изготовить несколько иллюстраций для Нового Завета, которые, благодаря пражскому периоду, смог использовать уже, насколько знаем, в Вильно ок. 1522 г.“.

Вся условность у П. Войта здесь относится к попыткам осмыслить возможный механизм сотрудничества *Мастера Нового Завета* с Ф. Скориной, у которого (сотрудничества) тогда могла быть не вполне привычная, по меркам того времени, схема. То есть, в 1517 г. Ф. Скорина *возможно* ориентировался на будущий новозаветный проект и поэтому поручил изготовить гравюры загодя и впрок, на перспективу, т.е., предположительно, *jakoby s předstihem* „как бы опережая события“. В разговоре 8 сентября пражский коллега поделился и другой заслуживающей рассмотрения альтернативной: Ф. Скорина, до этого не имевший опыта с книгопечатанием, пришел в Прагу с намерением издавать здесь как Ветхий, так и Новый Заветы. По этой причине у *Мастера Нового Завета* сразу же заказал и новозаветные гравюры, но переоценил возможности свои и пражской типографии – заказав и получив новозаветные гравюры, он не смог ими всеми воспользоваться, так как увяз в издании Ветхого Завета. Выражение *pokud víme* „насколько знаем“ вообще относится к „факту“ печатания иллюстраций в Вильно ок. 1522 г. Здесь не только в риторических целях можно вновь поинтересоваться, а „насколько“ хорошо мы об этом „знаем“?

Атрибуцию мастера, создавшего гравюры для „Канона Иоанну Предтече“ и „Канона пресладкому имени Иисуса“, специалисты книговеды не подвергали сомнению, поэтому мы должны считаться с достигнутыми результатами исследования.

Вильнюсский коллега приписывает мне „утверждение“:

Lemeškinas priskyrė akatistus, o galbūt ir kanonus Prahos ankstyviausiam laikotarpiui, būtent 1517-tiems metams, kai Skorina leido savo pirmuosius leidinius Prahoje (2:48:06).

„Лемешкин отнес акафисты и, может быть, каноны к самому раннему пражскому периоду, а именно к 1517 г., когда Скорина издавал свои первые издания в Праге“.

Можно ли считать таким „утверждением“ данные слова (а других по этому поводу у меня нет): „На гравюры „Акафистника“ интересно бросить взгляд с перспективы „Бивлии русской“. <...> соотнесение (П. Войта и не

только – И.Л.) кажется интригующим, так как свидетельствует о том, что „Акафистник“ **может принадлежать** к издательским ювеналиям, т. е. к первым печатным опытам Ф. Скорины²⁹? Между „принадлежит“ и „может принадлежать“ есть заметная разница.

ЧЕТВЕРТОЕ.

Ketvirtas teiginys. Akatistų pabaigoje yra įdėtas akrosticho pavidalo kolofonas, žymintis šio, pasak Lemeškino, Prahoje leisto leidimo pabaigą. Idėja apie akrosticho pavidalo kolofoną, neva žymintį Prahoje leisto akatisto pabaigą, yra beprecedentė. Aš nežinau nei vieno kito atvejo, kad senuosiuose leidiniuose leidėjo kolofonas būtų įrašytas į akrostichą, sudarytą iš liturginių giesmių inicialų. Kaip žinome, akrostichas yra formali priemonė, skirta daugiausia poetiniams tekstams organizuoti, dažniausiai naudojama deklamacinėje ir giedamojoje poezijoje. Iš pradžių jis naudotas siekiant išvengti iškreipimų, interpoliacijų ir kitų teksto pokyčių. Jų kilmė siejama su egiptiečių šventaisiais tekštais, o vėliau frazinis akrostichas, kuriame būna įrašomas autoriaus vardas, gavo savotiškos kriptografijos funkciją, nes tas akrostichas slepia ir kartu papildomai liudija kūrinio autorystę ir formalųjį autoriaus poeto meistriškumą. Pagal savo žanrą leidybinis kolofonas yra visiškai kitoks tekstas. Jis nėra susijęs su deklamacine ir giedamąja poezija, nereikalauja specialių metodų, leidžiančių išvengti antrinio teksto trumpinimo, interpoliacijų ar kitokių teksto pakeitimų. Tai nėra sakralinio turinio tekstas, jam nereikia kriptografijos, ir tai apskritai nėra kūrinys, kurio autorystę ar formalųjį meistriškumą reikėtų papildomai patvirtinti arba įrodyti (2:56:28-5:39:38).

„Четвертое утверждение. В конец акафистов помещен колофон в виде акростиха, обозначающий, по словам Лемешкина, окончание в Праге изданного издания. Идея о колофоне в виде акростиха, якобы обозначающего завершение в Праге изданного акафиста, является беспрецедентной. Я не знаю ни одного другого случая, когда в древних изданиях издательский колофон был бы вписан в акростих, который состоит из инициалов литургических песнопений. Как известно, акростих – это формальное средство, предназначенное для организации прежде всего поэтических текстов, чаще всего используемое в декламационной и песенной поэзии. Сначала его использовали в целях избежать искажений, интерполяций и иных изменений текста. Его происхождение связывают со священными египетскими текстами, а позже фразовый акростих, в котором бывают вписаны имена автора, получил функцию своеобразной криптографии,

29 LEMESHKIN, П'я. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“ ..., p. 135.

потому что акrostих утаивает и одновременно дополнительно свидетельствует об авторстве произведения и формальном поэтическом мастерстве автора поэта. По своему жанру издательский колофон совершенно иной текст. Он не связан с декламационной и песенной поэзией, не требует специальных методов, позволяющих избежать вторичного сокращения текста, интерполяций и иных изменений текста. Это не текст сакрального содержания, ему не нужна криптография, и это вообще не произведение, авторство и формальное мастерство которого было бы необходимо дополнительно подтвердить или доказать“.

Причем здесь египтяне, размышления о (не)сакральном характере, речь об интерполяциях и проч. увлекательная, но при этом выхолощенная и абсолютно бесполезная – по отношению к первым палеотипам Великого княжества Литовского – информация?

Католик Скорина, получивший образование в нескольких европейских университетах и, безусловно, прекрасно знакомый с узусом использования колофонов и акrostихов, в Праге и Вильнюсе занимался *книгоизданием*, поэтому совершенно естественно ориентировался на западноевропейскую традицию *печатной* книги. Давайте печатное наследие Ф. Скорины все-таки наконец изучать в контексте европейского книгопечатания, в контексте своего интеллектуального культурно-исторического пространства и времени. Делая категоричные выводы, желательнее хорошо знать итальянскую, французскую, немецкую, чешскую, литовскую и проч. *печатную* продукцию XV – XVI вв., понимать, как печатная книга именно в тот период времени функционировала, иначе очень многое покажется уникальным и беспрецедентным. Древние египтяне здесь нам не помогут.

Акростих складывается не из текста, а из букв. Создателю акrostиха в XVI в. было абсолютно все равно, из сплетения инициалов какой жанровой принадлежности создается смысл, ибо у букв нет жанровой принадлежности. Главное, чтобы текст вертикально читаемого творения – какого угодно – каким-то образом был связан с автором акrostиха. Зачем поэтому понадобилось искусственно сужать (см. пункт **d**) область поиска: „Я не знаю ни одного другого случая, когда **(a)** в древних изданиях **(b)** издательский колофон был бы **(c)** вписан в акrostих, который состоит **(d)** из инициалов литургических песнопений“? Но хорошо, раз уж были установлены такие жесткие критерии, попробуем немного осмотреться.

Далеко ходить не будем. В этом нет особой нужды. Обратимся к младшему современнику Ф. Скорины – Мартинасу Мажвидасу, который в 1559 г. издал *Forma Chrikftima*. Последнее переводное произведение *Giefme duchawna* /

ape mufu S. Chriķfta fuguldita nūg D. Mart. Luthera (f. CIIIr-CVv) он насытил акростихом MARTJNVS MASWJDAS SM, т.е. *Martinus Masvid[iu]s SignificaMus / SignaMus*³⁰. Пожалуйста: литовский продолжатель дела Ф. Скорины именной фразовый акростих вписывает в текст литургического песнопения. Самое интересное, пожалуй, то, что М. Мажвидас традицию издательского акростиха в данном случае вполне мог продолжить по примеру своего предшественника (Ф. Скорина полезен и при интерпретации акростиха, читаемого в „Катехизисе 1547 г.“³¹). Ситуация и там и здесь одинакова: на титульном листе нет указания на лицо книгу подготовившую и издавшую; в конце книги нет ожидаемого колофона; а книгу завершает искусный акростих, включенный в состав литургического песнопения о Спасителе (у М. Мажвидаса в дополнение к нему идет короткая молитва – финализирующая инвокация к читателю, содержащая глаголы повелительного наклонения *schlowe dūkem, garbinkem, laupfinkem, dekawokem*). Единственное бросающееся в глаза отличие – визуальное. Ф. Скорина с помощью пражских резных инициалов выделяет издательский акростих и таким образом в позиции конца книги оставляет читателю надежную подсказку. В скромном издании 1559 г., увидевшем свет в типографии Яна Даубмана, таких выразительных инициалов нет.

Как лаконичное и адекватное восприятие акростиха не „в целом“ (от сотворения мира и пирамид), но непосредственно по отношению к западноевропейской книгопечатной традиции, позволю процитировать настольную книгу каждого чешского книговеда:

Na rozdíl od středověké praxe nesloužily tyto postupy v renesančních a mladších literaturách nutně k utajení identity nebo znesnadnění identifikace autora textu nebo mecenáše <...>. Zhusta se vyskytují jako módní výraz tvůrčí zkušenosti, ba i rutiny ve všech projevech humanistického básnictví 16. a počátku 17. století. Tou dobou móda neminula také veršované pasáže rámcových částí <...> a sporadicky ožívala ještě v dedikacích 18. století³².

„В отличие от средневековой практики данные приемы (акростиха – И.Л.) в ренессансных и младших литературах не обязательно служили цели сокрытия

30 LEMEŠKIN, Ilja. *Lithuanica aliter*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2019 (*Billėmai bhe ersinnimai* 2), p. 363–364; HOSKOVEC, Tomáš. LITHVANICA ALITER: visuminės filologijos pritaikymas lituanistikoje. *Acta linguistica Lithuanica*. 2021, 85, p. 128.

31 LEMEŠKIN, Ilja. *Lithuanica aliter*..., p. 332–333.

32 VOIT, Petr. *Encyklopedie knihy. Starší knihtisk a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*. Praha: LIBRI, 2006, p. 44.

идентичности или осложнения идентификации автора или мецената <...>. Во всех проявлениях гуманистической поэзии XVI и начала XVII в. часто встречаются как модная презентация творческой испушенности и даже как проявление рутины. мода в тот период не оставила в стороне и рифмованные пассажи „рамочных частей“ (т.е. паратекстов, обрамляющих основной текст, как то: рекламные стихи, стихотворные литературные манифесты, дедикации, все типы предисловий, *privilegium* на печать или продажу, *imprimatur* или иное выражение цензурного разрешения, финализирующие дополнения *addenda* и т.д. – И.Л.) <...>, спорадически оживала еще в дедикациях XVIII в.“.

В словах П. Войта, к которым следует прислушаться, обобщен опыт работы с огромным корпусом книг, изданных на латыни, немецком, чешском, итальянском и проч. языках. Создание акростихов в печатной среде получило *модный и массовый* характер. Это банальная рутина – „самореклама“, призванная подчеркнуть творческую испушенность творца книги. Для издания XVI в. это своего рода „спам“. Что к этому можно еще добавить?

Человеку, создававшему рукописную книгу, в колофоне представлялась возможность блеснуть своей образованностью, умением и индивидуальностью. Поэтому создатели рукописных книг, прекрасно владея жанром и ориентируясь на общеевропейские тенденции, с колофонами охотно экспериментировали: выделяли их цветом, сопровождали миниатюрами, использовали затейливые криптограммы, внедряли в латиноязычный состав устойчивые или оригинальные поэтические изречения и даже привлекали стишки на своем родном языке (чешском, датском, французском, прусском и проч.) и т.д. На страницах журнала *Knygotyra* стоит напомнить, что самые ранние примеры использования балтской тайнописи (на прусском языке) засвидетельствованы именно в рукописных колофонах сложной структуры³³, которые подчиняются общему принципу *explicit explicat / ludere scriptor eat*.

Со второй половины XV в. – параллельно с распространением книгопечатания – сочинительство и конструирование всевозможных акростихов закономерно взлетает вверх по экспоненте. Если в средневековье с читателем в колофоне играл только скриптор и (изредка) иллюминатор, то количество людей из образованной мещанской среды, желающих оставить свой след в печатной форме, значительно возрастает. Это и творец основного текста, и переводчик, и автор предисловия, и редактор, и издатель, и печатник, и ил-

33 LEMEŠKIN, Пја. *Lithuanica aliter...*, p. 147–162, 258–267.

люстратор... Всем им в книжном колофоне становится элементарно тесно, да и сам колофон, получив сильного конкурента – титульный лист, преобразуется: или, приспособляясь к быстро меняющейся действительности, эволюционирует во что-то иное, или рудиментирует.

Для рукописной книги колофон – это место, где книжник пользовался именной криптографией, акростих (именной и фразовой) – разновидность „тайного“ письма, поэтому их диффузия, особенно в позиции конца книги, в печатную эру происходит абсолютно естественно и закономерно. В функции колофона используемый издательский акростих (часто издатель выступал и в другой роли: переводчика, редактора, автора паратекста...), как и все другие необычные колофоны и акростихи (мезостихи и телестихи), созданные с позиций других заинтересованных лиц, причастных к появлению книги, для XVI в. абсолютно банальная вещь. Акростихов самого разного толка и предназначения тогда была масса.

У С. Темчина вызывает непонимание, почему акростихи, содержащиеся у Ф. Скорины в разных местах „Акафистника“, воспринимаются мною по-разному:

Mažojiše kelionių knygelėje yra du Skorinos kurti originalūs akatistai, ir abiejuose yra įrašytas beveik identiškias akrostichas, tačiau Iļa Lemeškinas tik vienam iš jų priskiria papildomą kolofono funkciją, o kitam ne. Bet juk jų forma identiška ir net akrosticho tekstas yra beveik identiškias. Tad kodėl papildoma funkcija priskiriama vienam akrostichui, o kitam ne? <...> Pasirodo, vienas laikomas kolofonu dėl to, kad būtent tas akatistas yra ypatingai puošniai išspausdintas, naudojant didesnį kiekį raižytų inicialų. Bet iš tiesų jokio ryšio tarp šitų dviejų dalykų nėra, nes nėra žinoma tradicija ypatingai puošti būtent kolofonus, bet ne kitas pagrindines publikuojamo kūrinio dalis. Daug labiau tikėtina, kad raiškingesnę poligrafiją lėmė ne formaliosios aplinkybės (kur tas akatistas yra leidinyje: ar leidinio pradžioje, ar viduryje, ar pabaigoje), bet jo turinys, juk tas akatistas „Saldžiausiam Jėzaus vardui“ yra skirtas pačiam Viešpačiui. Vadinasi, jeigu tokia yra pakili tematika, visai natūralu buvo jį ypatingai papuošti didesniu raižytų inicialų kiekiu (2:59:22–3:01:21).

„В МПК находятся два оригинальных скориновских акростиха, и в обоих вписан практически идентичный акростих, однако И. Лемешкин только одному присваивает дополнительную функцию колофона, а другому нет. Но ведь их форма идентична и даже текст акростиха практически идентичен. Тогда почему дополнительная функция присваивается одному акростиху, а другому нет? <...> Оказывается, один акростих воспринимается как колофон из-за того, что имен-

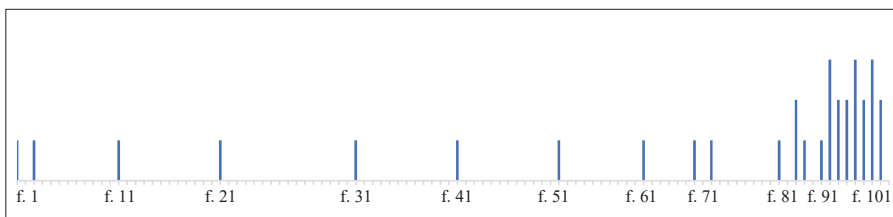
но тот акафист напечатан особенно красиво, с использованием большего количества резных инициалов. Но в действительности никакой связи между этими двумя вещами нет, так как неизвестна традиция особенно украшать именно колофоны, но не другие основные части публикуемого произведения. Намного правдоподобнее, что более выразительную полиграфию предопределили не формальные обстоятельства (где этот акафист находится: в начале, середине или конце издания), но его содержание, ведь тот акафист „Пресладкому имени Иисуса“ посвящен самому Господу. Значит, если такая возвышенная тематика, совершенно естественно было его особенно украсить большим количеством резных инициалов“.

Приведенный фрагмент и дальнейшее повествование, к сожалению, пестрят неточностями, противоречиями и ошибками. Сначала С. Темчин категорично заявляет, что „форма у акростихов идентична“, но тут же признает, что у одного из них „более выразительная полиграфия“. Текст акростихов интерпретируется как „практически тождественный“, но при этом умалчивается, что в фразовых акростихах использованы разные глаголы, т.е. что перед нами разные по семантическому объему фразы: *делал* доктор скориничу франциско[у]с и *писал* доктор скоринич францискъс. Глаголы *писал* и *делал* не являются полными синонимами. У гл. *делати*, который в составе издательского акростиха фигурирует в позиции конца книги, более широкая семантика, которая успешно распространяется на всю книгу целиком, причем не обязательно по отношению к писательской деятельности (более привычными формами *выдал*, *вытиснил*, *выбил* издатель воспользоваться не мог из-за объективных сложностей с лексикализацией графемы *ы*). В конце концов, С. Темчин сильно ошибается, утверждая, что колофон-акростих, в нашем случае вместо привычного колофона сообщающий об издателе книги, тогда никем не выделялся – „особо не украшался“, ибо „не было такой традиции“. Это совсем не так³⁴.

В публикациях XVI в. акростихи как вычурное средство, указующее поэтическое мастерство своего создателя, были адресованы читательской аудитории, поэтому издатели и печатники по мере возможности *охотно* и *часто* облегчали их восприятие имевшимися в их распоряжении полиграфическими средствами: иногда литерами иного размера (шрифта), иногда иной красой, иногда при помощи пробелов в буквенном и строчном наборе. У Ф. Скорины – это выразительные резные буквы пражского происхож-

34 Даже в рукописной традиции найдем немало случаев, когда колофон выделяется, хотя бы цветом чернил.

дения. В последнем акафисте их не просто больше: финал „Акафистника“ перенасыщен ксилографескими инициалами. В позиции конца книги (акафистов), в последнем по очереди произведении, их 21 (часто по 2-3 на один лист), в то время как в других случаях всего несколько (см.: Граф № 1). Здесь же встречаем фигуральную гравюру и две виньетки. Типография Я. Даубмана такими средствами не располагала. Издательский акростих М. Мажвидаса не является настолько визуально явным, но даже тут, в издании 1559 г., мы видим очевидные читателю предназначенные подсказки: верстая гимн М. Лютера, были оставлены межстрочные пробелы, которые выделили имя, фамилию и молитву (инвокацию) по отношению друг к другу и по отношению к остальной части литургического песнопения.

ГРАФ № 1. Фреквенция использования инициалов во вроцлавском акафистнике (на ф. 93-104 *Акафист пресладкому имени господа нашего Иисуса Христа*; иные акафисты располагаются на ф. 1-12, 13-24, 25-40, 41-52, 53-64, 65-80, 81-92)

Интерпретируя фразовые акростихи в составе „Акафистника“, признанный знаток *кириллической рукописной традиции*, к сожалению, не вполне хорошо понимает общих принципов функционирования *западноевропейской печатной* продукции конца XV – начала XVI вв. Во времена Ф. Скорины ознакомление с печатной книгой начиналось с прелиминальной стадии. „Порог“ чтения приходился на основной текст, иногда на предисловие, а до этого первое, на что обращал внимание гуманистически ориентированный, да и мало-мальски образованный человек XVI в., был – помимо титульного листа и колофона – акростих. Читатель прочесывал паратексты, резонно полагая, что где-нибудь наткнется на буквенную последовательность, оставленную автором, издателем, переводчиком и проч. Читатель любопытствовал, где именно и какого типа находчивостью они смогут его удивить и порадовать. После обнаружения акростиха читатель обретал чувство приобщенности к интеллектуальной элите своего времени. Создатель книги, такой же представитель читательской аудитории XVI в., об этом хорошо знал и старался не разочаровать.

Само собою разумеется, что с особым усердием и успехом именной акростих создавали, искали и находили там, где титульные листы и колофоны сознательно опускали информацию о людях, создавших книгу. И это как раз случай Ф. Скорины (и М. Мажвидаса). Беря в руки „Акафистник“ (не важно отдельно переплетенный или нет), читатель замечал, что в книге нет привычного информативного колофона, замыкающего всю книгу целиком; обратив свой взор к титульному листу, видел, что и тут отсутствуют сведения о создателе книги. Эти два обстоятельства автоматически побуждали к поиску опосредованных форм выражения авторства, к рассмотрению визуальных аномалий, прослеживанию семантических закономерностей и, в конечном итоге, к идентификации акростиха. Узнав таким образом больше о книге, убедившись в интеллектуальной компетенции ее создателя, читатель переступал „порог“ и переходил к чтению основного текста. На этом уровне ознакомления с книгой человек знакомился с акафистами, а торжественное убранство последнего из них, «посвященного самому Господу», получало дополнительную мотивировку (т.е. вторичную мотивировку по предметному содержанию акафиста).

В структурно-функциональном отношении любую книгу необходимо рассматривать не только с перспективы ее создателя (издателя и т.п.), но и с перспективы читателя, учитывать особенности восприятия печатной продукции в XVI в. Вместо колофона Ф. Скорина в конце книги удачно использовал (не был первым и последним) издательский акростих (т.е. акростих, созданный с позиции издателя), но издательским колофоном этот акростих в конечном счете делал не издатель, а та читательская аудитория, которой данная книга была предназначена. Издательский акростих здесь видел читатель того времени. В отличие от многих современных исследователей, современник Ф. Скорины о книге судил не по фототипическому изданию, не по ксерокопии или по изображению на экране компьютера. Держа книгу в руках, бегло пролистывая и знакомясь с ней *de visu*, читатель замечал перегруженность последнего акафиста художественно-декоративными элементами, которые «били в глаза» – недвусмысленно указывали на модное поэтическое средство, сообщающее о лице „сделавшем“ книгу. Видел, потому что был приучен обращать на такие *модные* и *ходовые* вещи внимание.

В те времена это была банальная рутина. Сейчас же это рутина для профессионального книговеда, систематически занимающегося изучением инкунабул и палеотипов, который из-за своего рода деятельности вынужден вырабатывать читательские навыки прошлых веков. Взяв в руки новую для себя книгу, П. Войт минуту-две ее „потрошит“ взглядом на предмет на-

личия акростихов. В их идентификации чешский ученый не видит никакой доблести – как исследователь он должен соответствовать образу мысли автора и читателя XVI в. Количество только им обнаруженных – в том числе и издательских – акростихов приближается где-то к восьмому десятку.

ПЯТОЕ.

Ir paskutinis, penktas teiginys, kad akatistų arba akatistų ir kanonų leidybą Prahoje patvirtina du egzemplioriai, kuriuose yra vien šie tekstai be kitų *Mažosios kelionių knygelės* dalių. Lemeškinas bando pagrįsti akatistų ir kanonų leidybą Prahoje, remdamasis dviem išlikusiais šio leidinio egzemplioriais (jie saugomi vienas Vroclave, kitas – Krokuvėje), kurie neva įrodo šios *Mažosios kelionių knygelės* dalies savarankiškumą, kad tai atskiras dar Prahoje leistas leidinys. Tačiau ši knyga apskritai leista dalimis, ne atskirais leidiniais, [o] dalimis, ir todėl visiškai natūralu, kad skirtingos to leidinio dalys, ne tik akatistai, bet ir kitos dalys, gyvavo ne tik visos kartu, bet ir atskirai ir jų kombinacija egzemplioriuose tikrai labai įvairuoja. Taigi atskiri nepilni egzemplioriai, kuriuose yra vien tik akatistai ir kanonai ir nėra kitų tekstų, nieko neįrodo (3:01:23–3:02:45).

„И последнее, пятое утверждение, что издание в Праге акафистов или акафистов и канонов подтверждают два экземпляра, в которых только эти тексты без других частей МПК. Лемешкин пытается обосновать издание акафистов и канонов в Праге, опираясь на два сохранившиеся экземпляра данного издания (один храниться во Вроцлаве, другой – в Кракове), которые якобы доказывают самостоятельность этих частей МПК, что это отдельное еще в Праге изданное издание. Однако эта книга (МПК – И.Л.) вообще издавалась частями, не отдельными изданиями, а частями, и поэтому вполне естественно, что отдельные части этого издания, не только акафисты, но и другие части, бытовали не только все вместе, но и отдельно, и их комбинация в экземплярах действительно сильно варьируется. Так что отдельные неполные экземпляры, в которых только акафисты и каноны и нет других текстов, ничего не доказывают“.

И в этом случае теряюсь в догадках, откуда уважаемый исследователь берет „утверждения“. Научную дискуссию нужно вести корректно – предельно точно цитируя оппонента, не полагаясь на память и верность впечатлений.

В моих работах по данному поводу сказано следующее: „несброшюрованные печатные листы, которые в дальнейшем попали (гипотетически) в

состав гетерогенной „Малой подорожной книжки“, Ф. Скорина вполне мог привезти из Праги и уже на новом месте, в Вильню, ими расширить („насытить“) новый, более объемный издательский проект. О такой вполне правдоподобной возможности говорят ныне известнее „экземпляры“ „Малой подорожной книжки“, где заметна сильная тенденция к обособлению акафистов и канонов. Особый интерес для нас представляют два экземпляра³⁵, „Без вроцлавской и краковской скориниан постановка вопроса об альтернативном источнике происхождения акафистов и канонов была бы рискованной, но такими „сольными“ экземплярами мы располагаем, как и выше упомянутой общей тенденцией к обособлению акафистов (и канонов). Беда заключается в том, что они всегда воспринимались и каталогизировались исключительно в контексте „Малой подорожной книжки“, а данный контекст не является единственно возможным³⁶, „Вроцлавская скориниана в переплете XVI в., состоящая исключительно из акафистов, издательский колофон, титульный лист с фронтисписом и названием акафисты на всю неделю говорят в пользу того, что издатель как отдельное издание в начале мог напечатать именно акафисты. Это могло произойти еще в Праге“³⁷.

Где здесь утверждение о том, что вроцлавский и краковский экземпляры обязательно доказывают то, что акафисты были изданы в Праге?

Действительно, я пытался обосновать такую возможность. Это альтернативная гипотеза происхождения МПК. Для ее обоснования я искал аргументы и механизмы, которые могут быть полезны для исследователей в будущем. С. Темчин придерживается иной гипотезы, однако не утруждает себя поиском *своих* доказательств, а голословно декларирует постулат, унаследованный из советских времен, что МПК ок. 1522 г. „издавалась по частям, а не отдельными изданиями“. Повторяю, может быть так оно и есть, может быть МПК по частям *вся* издана в Вильнюсе, но нужно все же предоставить какие-то доказательства. В свою очередь у вроцлавского и краковского экземпляров *может* быть доказательный потенциал, и именно поэтому на них обращаю внимание. Примеров обособления акафистов и канонов в отдельно переплетенные книги больше (об этом тоже пишу, но С. Темчин почему-то не замечает³⁸), почему же нам важны именно эти экземпляры?

35 LEMESHKIN, Il'ya. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“..., p. 132.

36 *Ibid.*, p. 133.

37 *Ibid.*, p. 142.

38 LEMESHKIN, Il'ya. Skorininskie onomasticheskie ehtyudy. *Slověne. International Journal of Slavic Studies*, 2020, 9(2), p. 165; LEMESHKIN, Il'ya. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“..., p. 130.

В своих работах затрагиваю историю их бытования. Важен не сам факт функционирования акафистов отдельно, но вопрос, когда и где они потенциально могли обособиться. Если акафисты были напечатаны в Праге, то есть вероятно того, что какая-то часть печатных листов здесь же была сфальцована и пущена в оборот. Раз так, то такие книги могут иметь ценные записи и пражский (или, напр., немецкий) переплет, указующие на то, что книга нашла своего читателя до вильнюсского периода книгоиздательской деятельности Ф. Скорины: „Владельческие записи, отражающие ареал бытования книги, и переплет XVI в. говорят о возможности того, что перед нами не экземпляр „Малой подорожной книжки“, но пражский „Акафистник“, который вскоре после своего издания был сброшюрован и переплетенный отдельно оказался во Вроцлаве“³⁹. Изучение подобных экземпляров имеет смысл поэтому продолжить. В этих целях в мае 2022 г. нами была предпринята поездка во Вроцлав. С результатами изучения вроцлавского акафистника в ближайшее время должна познакомить работа А. Паршенкова и Н. Морозовой.

Рассмотрев „свои“ утверждения, хотел бы остановиться еще на двух аспектах.

В докладе С. Темчина считаю полезной критику (3:06:26-3:08:05), высказанную им в связи с форматом полосы набора МПК по отношению к другим скориновским изданиям⁴⁰. Сопоставлять формат в данном случае действительно некорректно. Слова коллеги побудили к размышлениям. В настоящий момент вижу, что с моей стороны была допущена и иная, более серьезная методологическая ошибка: формат полосы набора в книгах „Бивлии русской“ и МПК невозможно *в принципе* сравнивать из-за кардинального жанрово-функционального несоответствия.

Издание книг иной жанровой принадлежности вело к появлению (существенных) полиграфических отличий. Особо высокие требования предъявлялись – всегда – к изданию Библии. Ф. Скорина нарушает привычный узус, отказываясь от печатания текста Священного Писания *in folio*, тем не менее его пражским ветхозаветным книгам характерна облигаторная для данного жанра торжественность, проявляющаяся и в богатом иллюстративном аппарате, и в использованных гарнитурах шрифтов, и в паратекстовых составляющих серийного издания...⁴¹.

39 LEMESHKIN, П'я. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“..., p. 132.

40 *Ibid.*, p. 137.

41 *Ibid.*, p. 131.

При изучении печатного наследия Ф. Скорины поэтому необходимо *постоянно* иметь в виду, что в жанровом и функциональном отношении мы имеем дело с двумя разновидностями произведений:

- 1) с изданиями, составляющими монументальный, но, к сожалению, не завершённый библейский проект, состоящий из серии пражских ветхозаветных книг (1517–1519) и вильнюсского „Апостола“ (1525);
- 2) с недатированной *МПК* как со сборником преимущественно литургической поэзии (с включением в состав „одного издания или совокупности изданий“ „Псалтири“).

Жанровая принадлежность должна *постоянно* учитываться при изучении других проблем и аспектов, ибо она (жанровая принадлежность) самым непосредственным образом должна была предопределять использование: а) шрифтов, б) паратекстов и с) даже бумаги. Об этом стоит поговорить подробнее.

- а) Жанр, нуждавшийся в большей торжественности и репрезентативности, потребовал соответствующий массивный строчный шрифт. В „Апостоле“ данного шрифта и жанру подобающего иллюстративного аппарата нет, и их сильно не хватает. Их отсутствие связано с тем, что вильнюсская типография ими уже не располагала. В „Апостоле“ нашёл применение лишь пражский крупный заголовочный шрифт. Основной мелкий шрифт „Апостола“ совпадает с основным шрифтом *МПК*, который Ф. Скорина потенциально мог использовать (вместе с крупным заголовочным шрифтом) уже в Праге. Применение в одной типографии двух основных шрифтов при издании разных книг было бы в таком случае продиктовано жанровыми причинами: Библия потребовала „библейского“, т.е. массивного, строчного шрифта, литургическая поэзия могла довольствоваться мелким⁴².
- б) Книги библейского проекта характеризуются тем, что последовательно сопровождаются предисловиями. Оригинальные „Сказания“ есть и в „Апостоле“. В книгах *МПК*, за исключением „Псалтири“ (относящейся к ветхозаветной серии) и краткой сопроводительной пометки ѿ паскалі или ѿ пасѣ в „Пасхалии“, их нет.

В том же ключе жанровой предопределённости необходимо анализировать и колофоны скориновских изданий. В „Бивлии русской“ они подробно сообщают о заслугах Ф. Скорины, месте и времени печатания. Все известные пражские библейские книги локализованы в Старом (начи-

42 *Ibid.*

ная с 20.12.1518 в Великом) городе Пражском⁴³. Их подавляющее большинство имеет датировку; без нее, как принято считать, были изданы только „Исход“, „Левит“ и „Числа“. Отсутствие датировки в последних трех случаях, на самом деле, возможно легко объяснить.

Данные книги рассматривались издателем как составные части „Пятикнижия“, т.е. на них распространялся тот же самый 1519 год, указанный сначала в „Книге Бытия“ как первой книге „Пятикнижия“ (здесь датировку было принципиально важно указать, так как данную книгу открыл общий для всей ветхозаветной серии титульный лист; кроме того, издатель должен был показать, каким годом датируется первое по очереди предисловие «во всю Библию»), а затем и в конце „Пятикнижия“ – во „Второзаконии“. Такая же ситуация прослеживается в „Книгах Царств“, где указанная дата издания – общая для всех четырех книг (которые поэтому иногда воспринимались и воспринимаются как отдельные публикации). Таким образом, все известные на сегодняшний день пражские издания библейских книг, включая „Четыре книги Царств“ (10.08.1518) и „Пятикнижие“ (1519), имеют не только точную локализацию, но и точную датировку печатного процесса!

Кроме того, нужно иметь в виду, что издание ветхозаветных книг тогда кульминировало. Судя по листажу, нужно было издать еще 3/10 части от общего объема⁴⁴. Можно поэтому предположить, что издатель со временем (по)терял стимул к указанию точных дат (данная тенденция прослеживается и в другом качестве: сначала указывает год-месяц-день, а с 1519 г. издатель довольствуется годом), так как издательский проект постепенно близился к завершению. На начальной же стадии, когда успех и целостность серийного издания еще не были очевидны, каждая книга воспринималась (грубо говоря, до момента, когда издатель заказал общий для всей серии титульный лист) как самостоятельное и само по себе ценное издание. Завершая серию изданием последней книги пророков, Ф. Скорина должен был в нее поместить исчерпывающий по своему содержанию колофон, анализирующий весь Ветхий Завет целиком.

Колофон „Апостола“, продолжая традицию пражских библейских книг, также предельно точно указывает время и место своего издания, и это не

43 LEMESHKIN, Il'ya. Bibliya Prazhskaya (1488) i „Bivliya ruska“ Frantsiska Skoriny. Mesto pachataniya. In *Frantsysk Skaryna: asoba, dzeinasts', spadchyna*. Minsk: Balaruskaya navuka, 2017, p. 155–162.

44 LEMEŠKIN, Ilja, VOIT, Petr. Skorina ir Čekija. Rusėniškioji Biblija. In *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai – 500*. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2017, p. 52.

удивляет. Издатели Священного Писания хорошо осознавали, что творят историю, поэтому в конвенциональных для этого жанра колофонах подробно документировали свои заслуги: кто, где, когда, почему. У составных частей *МПК* совсем другой регистр, так как принадлежат иному жанру. Они – каждая книга по отдельности и все вместе взятые – при всех своих достоинствах, в глазах издателя и читателя XVI в., совсем не ровня пражско-виленскому библейскому проекту. Поэтому и их колофоны в своем подавляющем большинстве ограничиваются выборочными данными, не считая нужным сообщать подробности о времени и месте печатания. В *инновационном* „Акафистнике“, содержащем оригинальные поэтические опыты самого Ф. Скорины, в свою очередь идентифицируем не конвенциональный, а *инновационный* колофон в виде акростиха.

С. Темчин полагает, что на основании колофонов можно делать вывод о том, является ли *МПК* одним изданием или совокупностью изданий. Он усматривает следующую закономерность: все пражские издания локализованы, но не все датированы („датировка не является обязательным элементом“, заявляет он: 3:10:36); *МПК* локализована в двух местах. Если продолжает литовский коллега, исходить из того, что *МПК* единое издание, то тогда все книги Ф. Скорины последовательно нам сообщают о месте публикации. Если же *МПК* будем рассматривать как совокупность изданий, то в таком случае издатель не был бы последователен в своих действиях. На этом основании, усматривая здесь аналогию, коллега приходит к выводу, что *МПК* одно издание (3:09:66-3:12:33).

Исследователь вопрос колофонов рассматривает безотносительно к жанровой природе книг: та или иная последовательность в действиях издателя зависела от жанра. Трудно представить Библию в то время изданную без выходных данных. Книги библейского проекта содержат насыщенные информацией колофоны, которые конвенционально сопровождают данный жанр. Жанровая природа *МПК* и отдельных ее составных частей совершенно иная, поэтому не следует здесь автоматически ждать всего того, что присуще библейским изданиям. В *МПК* нет ни общего титульного листа, ни общих для всего сборника выходных данных, а куцы колофоны разрозненных частей сборника в подавляющем своем большинстве приоритетно сообщают лишь о заслугах Ф. Скорины. И этого им, с точки зрения жанра и предназначения, предостаточно.

Кроме того, раз уж речь зашла о последовательности, то нужно быть последовательным во всем. Подробные колофоны „Бивлии русской“ содержат все же не только локализацию, но и датировку. „Отсутствие“ датировки в

трех книгах из двадцати легко объяснимо в контексте „Пятикнижия“. А значит, применяя логику С. Темчина, Ф. Скорина все же не был абсолютно последователен (*nuoseklus*), раз в МПК не указал время публикации.

- с) От жанра книги зависели используемый при печати шрифт, иллюстративно-декоративное оформление, наличие/отсутствие и объем паратекстовых элементов (предисловий, колофонов и проч.) и не только. Кроме всего прочего жанр, как это не покажется на первый взгляд удивительным, тогда мог предопределять даже характер используемой бумаги. Совсем не потому, что Библия требовала более качественную. Решающее значение имели финансовые отношения между издателем и меценатом или между членами издательского консорциума.

Благочестивое дело по изданию Библии (особенно первой в своем роде) на время реализации престижного проекта объединяло разных людей. „Пражскую Библию“ 1488 г., напр., издал консорциум четырех зажиточных пражских мещан, о чем они не забыли упомянуть в колофоне. Один из них, предоставивший для типографии помещение, стал родоначальником прославленной северинско-косоржской издательской династии. В связи с изданием „Бивлии русской“ нам известно, что часть средств предоставил Богдан Онков. В отдельные экземпляры пражских публикаций попали приписки, сопровождающие колофон и/или титульный лист: *А тося стало накладом Богдана Онкова сына радци места виленского* или *А накладом Богдановым Онкович з виленского места*. Таким образом Б. Онков мог пометить часть тиража, которую он получил за предоставление своей доли капитала. Весьма вероятно, что таких представителей состоятельного мещанства и патрициата было больше, и они совместно несли бремя по изданию рутенской Библии. Важно при этом подчеркнуть, что финансирование было предназначено не на издательскую деятельность вообще (в абстрактном филантропическом духе: „вот деньги, издавайте что угодно“), но только на реализацию конкретного и для всех единственно важного проекта – библейского.

Теперь представим ситуацию. Меценат(ы) или члены консорциума, участником которого мог быть и сам Ф. Скорина, под библейский проект приобрел(и) бумагу, потратив на это весьма значительную сумму денег. Реализацией проекта на месте, в съемной типографии купца Северина, занимается Ф. Скорина, которому пришла в голову мысль параллельно с этим⁴⁵

⁴⁵ Дело вполне житейское. Можно вспомнить „Печатника Пражской Библии“, который во время реализации библейского проекта отвлекся на издание басней Эзопа (knihopis: INC015).

издать что-то в жанровом отношении иное и „личное“, напр., „Акафистник“, где он мог себя показать в иной роли. Встает вопрос, мог бы он для этих нужд воспользоваться запасом бумаги, приобретенным на общие (или чужие) средства для издания Библии? Весьма сомнительно. Распознав в таком „Акафистнике“ „библейскую“ бумагу (а по качеству она достаточно специфична), лица, принявшие участие в финансировании проекта, могли высказать законные претензии и недовольство.

Таким образом, стремясь подтвердить или опровергнуть гипотезу о пражском происхождении отдельных частей *МПК*, мы в дальнейшем должны учитывать вполне реальную возможность того, что такие „дополнительные“ (т.е. предпринимаемые вне библейского проекта) издания публиковались не на той же самой бумаге, что и книги „Бивлии русской“. Соответственно, традиционный „аргумент“ сторонников виленского происхождения всех частей *МПК*: „книги виленского периода изданы на иной бумаге, и поэтому они не могут быть пражскими“, – не учитывает весьма существенный жанровый аспект и книгопечатных реалий XVI в. На самом деле все могло быть ровно наоборот: книги не относящиеся к библейскому проекту, если такие по личной инициативе издателя были опубликованы в Праге, могли или даже должны были издаваться на другой бумаге.

И, наконец, последний аспект, который считаю нужным затронуть в контексте зачитанных 22.09.2022 пленарных докладов и несостоявшейся устной полемики.

С. Темчин оспаривает мною высказанную мысль о необходимости сравнительного изучения филиграней в целях установления места и времени печатания *МПК*. По его мнению, искать бумагу, где был бы „точно датируемый водяной знак, по времени несомненно соотносимый с виленским периодом жизни и деятельности Ф. Скорины“⁴⁶, – пустая затея, так как поставлена заведомо невыполнимая задача. Этому аспекту исследователь посвятил много внимания, сообщив большое количество всем хорошо известных подробностей (3:02:47-3:06:25). Нет нужды здесь их повторять и каким-то образом комментировать. Пользуясь случаем, повторю лишь свою мысль.

Сравнительное изучение не означает, что мы должны рассматривать только лишь бумагу скориновских изданий, изолированно сопоставляя ее с данными из классических альбомов филиграней. Филиграноведение – динамически развивающаяся научная дисциплина, которая, выходя за рамки Брике, Пикара или Лихачева, в широкой сравнительной перспективе по-

46 LEMESHKIN, П'я. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“ ..., p. 141.

звояет – иногда с точностью до года – датировать изготовление и/или использование бумаги. Возможности для этого есть. Все зависит от желания и прилагаемых исследователем усилий. В качестве примера *вновь*⁴⁷ укажу на исследования Камила Болдана, которому при изучении бумаги (им лично собранного корпуса точно датированных рукописных и печатных документов, содержащих идентичные водяные знаки) удалось сузить датировку „Троянской хроники“ до 1485–1486 гг. Таким образом он поставил точку в споре, который длился двести с лишним лет! При этом первоначальная датировка, основанная на данных колофона, указывала нам 1468 г. Опыт, тенденции развития и значительные успехи современной европейской филигранологии вселяют надежду, что подобные результаты когда-нибудь будут достигнуты и в скориноведение.

В статье 2021 г. в качестве перспективного механизма по датированию МПК указал на „сравнительное исследование филиграней и/или физико-химических свойств бумаги“⁴⁸. Не помню, упоминал ли я об этом в своем докладе 22.09.2022. Каким же было мое удивление и восхищение, когда в тот же самый день получил насыщенное информацией письмо настоящего Профессионала. Написала Александра Гиллеспи (Alexandra Gillespie), которая на том же мероприятии выступила с пленарным докладом *The Invention of Printing – Global Perspectives*. Прочитав письмо, осознал всю жалкую ограниченность своих прежних размышлений по данному вопросу. Профессор Торонтского университета, импульсивно реагируя на услышанное, поделилась россыпью мыслей о том, как еще возможно подходить к решению актуальных проблем МПК.

С позволения госпожи А. Гиллеспи приведу здесь содержимое ее интереснейшего письма:

I wanted to thank you about your excellent paper at the Skaryna conference today: I am very much persuaded by your argument. Although I am completely new to Skaryna studies, your sense that Skaryna might have printed parts of the Small Travel Book in Prague, or – at the very least – earlier than 1522 – makes good sense to me, given what I know about how early Western European printers, and even early printers in East Asia, managed their operations and printed stock.

My own research includes collaboration with scientists to explore new kinds of evidence from old books. I believe it would be possible to use advanced microscopy, CT microscanning, and spectroscopy to add data to the study of Skaryna's books.

47 *Ibid.*, p. 118, Nr. 19, 20.

48 *Ibid.*, p. 141.

For example – printers seem to carried or imported paper and type for new printing houses. But they made ink from local ingredients – studies of some of Gutenberg’s ink show linseed oil, carbon black, turpentine, and walnut oil in one of his inks. It might be possible to detect differences between the inks used in different parts of *The Little Travel Book*.

I am also interested in bookbinding, as I explained in my paper. My lab recently published our first article about the use of micro-CT to look for evidence of past binding structures in books. <https://www.press.jhu.edu/newsroom/historians-high-tech-x-ray-medieval-book-reveals-mysterious-object>.

Such imaging might show (e.g. by revealing separate sewing holes) whether parts of some surviving copies – esp. the *Akathists* and *Canons* – at some time circulated separately from the composite volumes in which they also appeared.

Finally, it is possible to use EV film and PVC erasers – via electrostatic energy – to lift proteins from the surface of a book and identify these, including scraps of food, oils etc. This might add to visible evidence (staining etc) of the separate lives and travels of parts of *The Little Travel Book*. (For example, if one part has some distinctive protein, e.g. animal grease or mouse urine, on many pages, but the rest of the book does not, this would add to evidence of different histories for different parts of the book.)

Of course, not all libraries allow these kinds of studies of books. And important copies are in Belarus and Russia, and thus not accessible at present.

Да, подавляющее большинство скориновских изданий хранится в книжных собраниях России и Беларуси. После распада СССР казалось, что в Санкт-Петербурге, Москве и Минске перед иностранными исследователями открылись неограниченные возможности по изучению книжного наследия Ф. Скорины. Никто не мог подумать, что „окно возможностей“ с треском захлопнется из-за военных преступлений, совершаемых Россией после 24.02.2022. Остается горький осадок от осознания: многое из того, что было возможно сделать и что по каким-то сиюминутным причинам мы все откладывали на потом, сделано так и не было. Когда такая возможность представится снова, и появится ли она в обозримом будущем вообще, неизвестно. Поэтому и современные методы исследования, вероятно, еще не скоро будут в должной мере применяться к изучению книжного наследия Ф. Скорины.

В Чехии и Литве нет ни *МПК*, ни сколько-нибудь заметного собрания его ветхозаветных книг⁴⁹. Вся надежда поэтому на белорусских и русских

49 Большое сожаление вызывает то, что в XIX в. в Праге затерялся экземпляр *МПК*, введенный в научный оборот Й. Добровским и некогда принадлежавший потомкам Ф. Скорины. Если бы этого не произошло, наши представления о *МПК* были бы более полными.

коллег, которые, оказавшись в непростых условиях, имеют возможность систематично работать с корпусом скориновских изданий. Сделать можно достаточно: изучить оттиски литер с особым акцентом на наличие специфических дефектов (особенно это важно у крупного заголовочного шрифта) и систематизировать данные по шрифтам, провести исследование по степени изношенности ксилографических элементов, в сравнительной перспективе попытаться стратифицировать (и датировать в пределах *МПК*) использованную при печати бумагу. Все это и многое другое, что десятилетиями, к сожалению, успешно игнорировалось, можно сделать только в живую.

Подведем итог. С момента появления работ, в которых был поднят вопрос локализации и датировки *МПК*, прошло всего несколько лет, однако за этот непродолжительный промежуток времени условия изучения данной проблемы изменились к худшему кардинально. По сути, мы оказались отрезаны от основного корпуса скориновских изданий, тщательная работа с которым могла дать ответы на многие интересующие нас вопросы. Это значительно усложняет нашу задачу, однако главную проблему в изучении *МПК* вижу все же в другом.

Скориноведение, с которым сейчас имеем дело, – продукт советской эпохи. Некоторые исследователи, которые имели значительное влияние на развитие научной дисциплины, пришли в науку на волне борьбы с космополитизмом. Позднее многие выводы „во благо народа“ созидались или корректировались, исходя из национально-возрожденческих и народоведческих интенций. Стоит также упомянуть о значимом, но все же одностороннем вкладе археографов-рукописников, практически исключительно специализирующихся на изучении кириллических рукописных источников. Все это привело к тому, что *печатное* наследие первой четверти XVI в. рассматривалось вне своего культурно-исторического контекста. Именно поэтому до сих пор приходится акцентировать очевидную неочевидность: получив всестороннее образование в нескольких европейских университетах, уроженец Полоцка в своей издательской деятельности ориентировался на итальянскую, немецкую и в меньшей мере – чешскую печатную продукцию конца XV – начала XVI вв. Вся его издательская деятельность, все его усилия и все опыты с печатным словом, должны поэтому рассматриваться именно с данной перспективы и, что тоже не маловажно, в контексте западноевропейских книгопечатных реалий. Советская же скоринистика погрязла в переизбытке оторванных от этих реалий аксиоматических „истин“ и силлогизмов, основанных на ложных посылах.

В исследованиях прошлого века мы наблюдаем фаворитизм, когда отдельная концепция или гипотеза при всей своей неоднозначности и при полном отсутствии доказательной базы объявлялась истиной. С 1971 г. *МПК* начали трактовать как первый вильнюсский палеотип, изданный в/ок. 1522 г. В действительности же по косвенным признакам мы можем обоснованно говорить лишь о том, что ок. 1522 г. Ф. Скорина в Вильнюсе издал „Пасхалию“. Можем предполагать (не утверждать, но только предполагать!), что „Часословец“, скорее всего, издан после „Пасхалии“. Строго говоря, даже последнее обстоятельство может вызывать сомнения, так как датировка „Часословца“ „не ранее 1522 г.“ исходит из предпосылки, что „Послесловие“ появилось вскоре после „Пасхалии“. А можем ли мы исключить возможность, что „Послесловие“ было набрано, напр., в 1526 г., и что в него в банальных целях актуализации ранее отпечатанного материала попал перечень ранее изданных книг, напр.: „Пасхалия“ (ок. 1522), „Часословец“ (1520–1522 или 1522–1526), „Акафистник“ (1517–1522 или 1522–1526), „Псалтирь“ (1517–1522 или 1522–1526) и проч.?

„Первая на территории Советского Союза изданная книга“, известная в экземплярах с самой разнообразной комплектровкой и неоднородная в полиграфическом отношении, с таким же успехом могла и может рассматриваться как результат динамически меняющегося издательского плана. Эту возможность с оглядкой на широко распространенную в XVI в. практику поразному комбинировать отпечатанный материал, его актуализировать и вольно вводить в состав новых сводных изданий, попросту проигнорировали (возможно из-за элементарного незнания книгопечатных реалий XVI в.).

Не хочу быть пафосным и банальным, но современный книговед должен (пере)проверять все выводы предшественников⁵⁰, все возможности, все варианты, работать со всеми гипотезами. Очень бы не хотел, чтобы и за мной закрепился статус приверженца определенной идеи. Да, ранее, обратив внимание на равноправие двух гипотез, я привел аргументы в пользу альтернативы, но буду искренне рад, если кто-то докажет обратное. Мы не на скачках, поэтому нам нужны не фавориты, а всего лишь доказательства. А менее всего нас должны заботить опасения относительно того, что пражско-виленское происхождение *МПК*, не дай Бог, лишит Беларусь или Литву праздника (см. вступление и последний вывод в докладе С. Темчина).

50 Особенно тех, кто творил в духе „СССР – родина слонов“. Е.Л. Немировский, напр., со всей серьезностью писал (не только по молодости), что книгопечатание зародилось намного ранее Й. Гуттенберга, а именно – в Киевской Руси во времена княжения св. Владимира.

Из сплетения красивых идей и голословных истин, опутывающих печатное наследие Ф. Скорины, трудно выбраться, и в этом, на мой взгляд, заключается главная проблема изучения данного печатного памятника. На историю *МПК*, игнорируя искусственные конструкты прошлых десятилетий, нужно смотреть сквозь призму доподлинно известного. А известно нам следующее.

С 1517 г. Ф. Скорина, имея финансовую поддержку из Литвы, начал реализовывать библейский проект – *textus receptus* Священного Писания на церковнославянском языке. В период 1517–1519 гг. в Праге издатель на высоком полиграфическом уровне реализовал серию ветхозаветных книг; в 1525 г., находясь уже в Вильнюсе, издал „Апостол“. Библейский жанр предъявлял издателю самые высокие – на то время – требования. В съёмной типографии купца Северина Ф. Скорина пытался соответствовать данным требованиям. Вильнюское продолжение библейского проекта по качеству реализации значительно уступает пражскому периоду: используется иной, не такой торжественный основной шрифт; в однообразном и достаточно скудном художественном оформлении назойливо чередуется несколько заставок пражского происхождения (при помощи которых в том числе оформляется и рамка титульного листа; в начале книги нет подходящего фронтисписа, т.е. стандартной гравюры с изображением апостола Луки). Вильнюсская типография не располагала возможностями, которые были в распоряжении Ф. Скорины в Праге, но в текстовом отношении „Апостол“ идет в русле ветхозаветных книг: текст Священного Писания последовательно сопровождают авторские предисловия и предельно точные выходные данные.

Между указанными полюсами: точно локализованными и датированными публикациями 1517–1519 и 1525 гг., в своей совокупности реализующими единый в жанровом отношении издательский проект, – находится недатированный сборник преимущественно литургической поэзии (но не только). Книги, составляющие *МПК*, в жанровом отношении нечто совершенно иное (за исключением повторно набранной ветхозаветной „Псалтири“). По этой причине они лишены подробных колофонов и обстоятельных авторских предисловий. С полиграфической точки зрения этот „промежуточный“ (т.е. находящийся между „Бивлией русской“ и „Апостолом“) сборник, не имеющий общего титульного листа и общего колофона, – неоднороден.

В отличие от библейских книги, *МПК* не датирована. Единственную временную зацепку дает „Пасхалия“, косвенно указующая на 1522–1523 гг. О месте печати – Вильнюсе – в свою очередь недвусмысленно говорит та же

„Пасхалия“ и „Часословец“. На этом наши точные представления о *МПК* исчерпываются.

Далее начинаются интерпретационные проблемы, которые необходимо решать без „наработок“ советской эпохи. Нужно иметь в виду, что:

- 1) За исключением „Пасхалии“ (ок. 1522 г.), „Послесловия“ (не ранее 1522 г.) и „Часословца“, мы не знаем ровно ничего о месте и времени печати других частей *МПК*;
- 2) Нет эмпирически подтвержденной оппозиции „нового, вильнюсского шрифта“ и „старого, пражского“, ибо отдельные составные части *МПК* (не имеющие локализации и датировки), будучи произведениями иной жанровой природы, мелким строчным шрифтом могли издаваться уже в Праге. Примеров использования разных гарнитур основного шрифта в типографиях XVI в. огромное множество, и в этом нет ничего удивительного, особенно учитывая то, что ими набирались произведения *разной* жанровой направленности;
- 3) По той же причине (отсутствия точной локализации и датировки у подавляющего большинства составных частей *МПК*) нет никакой исключительно „пражской бумаги“, так как Ф. Скорина книги иного жанра мог, а, быть может, и вынужден был печатать на иной „попери“, приобретенной не на деньги библейского консорциума;
- 4) „Послесловие“ в вопросе датировки и локализации места печатания *МПК* или отдельно взятых ее частей ничего конкретного и предопределяющего научный поиск нам не дает, так как печатники и издатели XVI в., преследуя финансовую выгоду, ранее набранными печатными листами охотно насыщали новые издательско-дистрибьюторные замыслы. И даже если все части *МПК* были изданы в Вильнюсе, у нас нет уверенности в том, что концептуально-содержательный формат *liber viaticus* появился и/или был реализован ок. 1522 г. Это могло произойти в более широком временном диапазоне (1522–1535).

Учитывая все выше сказанное, мы должны пытаться датировать и локализовать все „беспризорные“ части *МПК*: „Акафистник“ и „Канонник“, „Псалтирь“, „Шестодневце“, „Канон покаяльный“ и „Последование церковного собрания“.

Может быть, некоторые из этих книг увидели свет еще в Праге.

Может быть, все они были изданы в Вильнюсе. В таком случае это могло произойти или ок. 1522 г. или в период 1520–1535 г., когда издатель, добавив „Послесловие“, объединил их в один свод „подорожной книжки“.

Какая из указанных возможностей имела место быть, покажет время.

1. CICĖNIENĖ, Rima. Konferencija, skirta Pranciškaus Skorinos Mažajai kelionių knygelei (1522) ir Renesanso knygai. *LMA Vrublevskių bibliotekos darbai*, 2022, t. 11, p. 179-183. DOI: <https://doi.org/10.54506/LMAVB.2022.11.16>.
2. DELUGA, Waldemar. Źródla i inspiracje ilustracji drzeworytniczych do wydań Franciszka skoriny. In *480 let běloruského knihtisku. Materiály z konference v pražském Klementinu 5.9.1997*. Praha: Národní knihovna ČR, 1997, p. 15–19.
3. HOSKOVEC, Tomáš. LITHVANICA ALITER: visuminės filologijos pritaikymas lituanistikoje. *Acta linguistica Lithuanica*. 2021, t. 85, p. 117-140. DOI: doi.org/10.35321/all85-06
4. LEMESHKIN, Il'ya. Biblija Prazhskaya (1488) i „Bivliya ruska“ Frantsiska Skoriny. Mesto pechataniya. In *Frantsysk Skaryna: asoba, dzieinastś, spadchyna*. Minsk: Balaruskaya navuka, 2017, p. 154–194.
5. LEMEŠKIN, Ilja. Dėl P. Skorinos *Mažosios kelionių knygelės* spausdinimo laiko ir vietos. *Knygotyra*, 2019, t. 72, p. 17-33. DOI: <https://doi.org/10.15388/Knygotyra.2019.72.19>
6. LEMEŠKIN, Ilja. *Lithuanica aliter*. Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2019. p. 440. ISBN 978-609-411-255-3 (*Billėmai bhe ersinnimai 2*, ISSN 2669-1051).
7. LEMESHKIN, Il'ya. Skorininskie onomasticheskie ehtyudy. *Slovėne. International Journal of Slavic Studies*. 2020, t. 9(2), p. 149-169. DOI: 10.31168/2305-6754.2020.9.2.6
8. LEMESHKIN, Il'ya. Khronologiya „Maloi podorozhnoi knizhki“. In *Frantsysk Skaryna. Daŭniya fakty – novyya idehi*. Minsk: Belaruskaya navuka, 2021, p. 122–125.
9. LEMEŠKIN, Ilja, VOIT, Petr. Skorina ir Čekija. Rusėniškoji Biblija. In *Pranciškaus Skorinos Rusėniškajai Biblijai – 500*. Vilnius: Lietuvos mokslų akademijos Vrublevskių biblioteka, 2017, p. 49–68.
10. LUK'YANENKO, Vera. *Katalog belorusskikh izdaniĭ kirillovskogo shrifta XVI–XVII vv.* Vyp. 1: 1523–1600 gg. Leningrad: [b. i.], 1973. 196 p.
11. NADSON, Alyaksandr. Kniga Skaryny ų Kapehngagene. *Bozhym sblyakham*, 1971, nr. 5(128), p. 9–11.
12. NEMIROVSKII, Evgenii. Belorusskii pervopechatnik Frantsisk Skorina. *Poligrafiya*, 1967, nr. 8, p. 39–41.
13. NEMIROVSKII, Evgenii. *Frantsisk Skorina: Zhizn' i deyatel'nost' belorusskogo prosvetitel'ya*. Minsk: Mastarskaya litaratura, 1990. 596 p. ISBN: 5-340-00813-4
14. REKAŠIŪTĖ, Kotryna. Pranciškui Skorinai skirta tarptautinė mokykla Prahoje. *LMA Vrublevskių bibliotekos darbai*, 2022, t. 11, p. 176–178. DOI: <https://doi.org/10.54506/LMAVB.2022.11.15>.
15. TEMCHIN, Sergei. Proiskhozhdenie nazvaniya Maloi podorozhnoi knizhki Frantsiska Skoriny v svete opisi Suprasl'skogo monastyrya 1557 goda. In *Amoenitates vel Lepores Philologiae*, Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 2007, p. 456–464.
16. VOIT, Petr. Výtvarná složka Skorinovy Bible ruské jako součást české knižní grafiky. *Umění*, 2014, nr. 62/4, p. 334–353.
17. VOIT, Petr. Novye svedeniya o deyatel'nosti Frantsiska Skoriny v Prage (1517–1519). *Vilniaus universiteto bibliotekos metraštis*. 2015, p. 339–373.
18. VOIT, Petr. *Encyklopedie knihy. Starší knihtisk a příbuzné obory mezi polovinou 15. a počátkem 19. století*. Praha: LIBRI, 2006. 1352 p. ISBN:80-7277-312-7

19. VOZNESENSKII, Andrei. Svedeniya i zametki o kirillicheskih pechatnykh knigakh. 1. Malaya podorozhnaya knizhka Frantsiska Skoriny. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 1999, t. 51, p. 337–341.
20. VOZNESENSKII, Andrei. Iz nablyudenii nad izdaniyami Frantsiska Skoriny. In *Knizhnaya starina: sbornik nauchnykh trudov*. T. 4. Sankt-Peterburg: Rossiiskaya natsional'naya biblioteka, 2018, p. 5–19.
21. VOZNESENSKII, Andrei, NIKOLAEV Nikolai. *Katalog belorusskikh izdaniy kirillovskogo sbrifia XVI–XVIII vekov iz sobraniya Otdela redkikh knig Rossiiskoi natsional'noi biblioteki. 1523–1600*. Sankt-Peterburg: RNB, 2019. 224 p. ISBN: 978-5-8192-0561-7
22. VOZNESENSKII, Andrei. Svedeniya i zametki o kirillicheskih pechatnykh knigakh. 6–7. *Trudy Otdela drevnerusskoi literatury*, 2003, t. 53, p. 470–490.